

Національний заповідник "Софія Київська"

Бібліотека Софії Київської

СУГДЕЙСЬКИЙ ЗБІРНИК ВИП. 2 (VIII)

Серія заснована у 2004 р.

Київ
2019

Сугдейський збірник.

С89 Вип. 2 (VIII). Київ. 2019. 476 с., іл.

ISSN: 2708-4914

Другий (VIII) випуск Сугдейського збірника продовжує засновану у 2004 р. серію наукових видань, що ґрунтуються на матеріалах міжнародної наукової конференції «Причорномор'я, Крим, Русь в історії та культурі», що регулярно проводилась Національним заповідником «Софія Київська» на базі його відділу – музею «Судацька фортеця». На сьогодні, через анексію Криму Російською Федерацією, музей вилучено з підпорядкування Міністерства культури України та оперативного управління Національного заповідника «Софія Київська». Однак заповідник продовжує традицію започаткованих ним наукових форумів, збираючи їх на території свого музейного комплексу в м. Києві. В свою чергу, збірник продовжує публікацію робіт, присвячених історії та археології давнього та середньовічного Криму. В статтях розглядаються торговельні, етнічні та культурні зв'язки між Кримом, Руссю, Європою, Причорномор'ям та Візантією, оприлюднюються результати археологічних, джерелознавчих та історіографічних досліджень.

Відповідальна за випуск:

Н.М. Куковальська – генеральний директор Національного заповідника «Софія Київська», дійсний член Української академії архітектури, заслужений працівник культури України

Відповідальний секретар:

О.В. Джанов – старший науковий співробітник Національного заповідника «Софія Київська»

Редакційна колегія:

Н.М. Нікітенко – д.і.н., професор; *В.В. Корнієнко* – д.і.н.;
О.А. Однороженко – д.і.н.; *Д.В. Степовик* – д.мистецтвознавства, професор;
О.А. Алфьоров – к.і.н.; *Д.С. Гордієнко* – к.і.н.; *І.С. Марголіна* – к.і.н.;
І.А. Нетудихаткін – к.і.н.

Рецензенти:

д.і.н., професор *В.І. Ульяновський*
д.мистецтвознавства *А.О. Пучков*

“КРИМСЬКИЙ ЩОДЕННИК” МИХАЙЛА БЕРЕЖКОВА (червень–серпень 1895 р.)

Михайло Бережков – професор руської історії в Інституті князя Безбородька в Ніжині, що увійшов в історію науки не стільки завдяки своїм працям, як своєму добре збереженому архіву. Особовий фонд М. Бережкова зберігається в Інституті рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського (ф. XXIII), найціннішу частину якого становлять щоденники та широке листування.

Видатний український державний діяч та історик Д. Дорошенко наголошував, що за умови довгого в часі бездержавного статусу України, першочерговими джерелами для історії України, зокрема Криму, є джерела особового походження, насамперед мемуари та щоденники¹. Розквіт щоденникового жанру в Україні припадає на XIX ст.². М. Бережков провів в Україні останні 50 років свого життя, від 1882 – до 1932 р., упродовж яких вів свій Щоденник. Його щоденники дають безцінний матеріал для історії України загалом, повсякдення, політичних настроїв, різноманітних стереотипів тощо³. Окрім загального щоденника, Бережков вів і “спеціальні”, присвячені окремо взятим подіям з життя автора. Серед останніх є й щоденник подорожі по Криму 1895 р.

В історіографії Бережков увійшов як медієвіст. Магістерською дисертацією, захищеною при Санкт-Петербурзькому університеті, було дослідження “О торговле Руси с Ганзой до конца XV века”. Надалі науковець жодного разу не звертався до монографічного, великого жанру, обмежуючись статтями та замітками. Перебуваючи в Україні, Бережков все більше уваги звертав на місцеву історію, краєзнавство та етнографію.

---

¹ Дорошенко Д. *В справі видання мемуарів та листування (Кілька уваг та дезидератів)* // *Стара Україна*. Часопис історії і культури. Кн. IX–X. Львів. 1924. С. 139.

² Корольов Б. І. *Писемні джерела* // *Історичне джерелознавство: Підручник* / Я. С. Калакура, І. Н. Войцехівська, С. Ф. Павленко та ін. К.: Либідь. 2002. С. 420.

³ Джерелознавчий аналіз основного Щоденника М. Бережкова див.: Остряк А. “Щоденник” професора Бережкова // *Сіверянський літопис*. № 5. 1997. С. 133–139. Щоденники, з деякими виїмками за 1882–1904 рр. опубліковані О. Кривобоком: *Щоденник професора Михайла Бережкова. Інститутський період (1882–1904)* / За ред. О. П. Кривобока. Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя. 2019. 395 с.

Михайло Бережков

М. Бережков народився в 1850 р. у родині сільського священника у Володимирській губернії. Вищу освіту здобув у Санкт-Петербурзькому університеті, де став учнем відомого медієвіста К. Бестужева-Рюміна. По закінченні університету 1875 р. деякий час працював домашнім учителем дітей графа Уварова – відомого науковця і мецената науки. Саме в той час у Бережкова й виникає інтерес до історії Криму, зокрема Кримського ханату⁴. 1882 р. М. Бережков був обраний професором Історико-філологічного інституту князя Безбородька в Ніжині, з яким і буде пов'язано все даліше життя науковця, в цей час з'являться і кримознавчі його публікації.

Історія Криму стала головною науковою темою досліджень Бережкова у ніжинський, український період його життя⁵, а не історія Чернігівщини, як зазначає О. Коляструк⁶. Так, 1884 р. М. Бережков узяв участь у VI Археологічному з'їзді в Одесі з доповіддю про московських полонених у Кримському ханаті, що була згодом опублікована у “Трудах”⁷ з'їзду і стала першою кримознавчою публікацією науковця. Серед дальшого кримознавчого доробку вченого – статті “План завоювання Крима, составленный Юрием Крижаничем”⁸, “Крымские дела в ста-

⁴ Непомнящий А. А. *Подвижники крымоведения*. Симферополь: СГТ. 2006. С. 95.

⁵ Пор.: Непомнящий А. А. *Листування М. М. Бережкова та А. І. Маркевича – джерельна база історії Криму* // Праці Центру пам'яткознавства. Випуск 7. К. 2005. С. 225; Непомнящий А. А. *Подвижники крымоведения*. С. 96; Кривобок О. П. *Передмова* // Щоденник професора Михайла Бережкова. Інститутський період (1882–1904) / За ред. О. П. Кривобока. Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя. 2019. С. 6–7.

⁶ Коляструк О. *Релігійний аспект у науковій діяльності і приватному житті професора історії М. М. Бережкова* // Сіверянський літопис. № 5. 2006. С. 92. Історією Чернігівщини Бережков займався в рамках громадської діяльності у ніжинському історико-філологічному товаристві.

⁷ Бережков М. Н. *Русские пленники и невольники в Крыму* // Труды VI Археологического съезда в Одессе 1884. Одесса. 1888. Т. 2. С. 342–374.

⁸ Бережков М. Н. *План завоювання Крима, составленный Юрием Крижаничем* // Журнал Министерства народного просвещения. № 10. 1891. С. 483–517; № 11. С. 65–119.

ром царском архиве XVI века на основании современной архивной описи”⁹, “Древнейшая книга крымских посольских книг (1474–1505)”¹⁰, “Крымские шертные грамоты”¹¹, “Нур-Султан, царица Крымская”¹² та “Об одной историко-политической записке времен присоединения Крыма”¹³. Низка праць історика залишилися незавершеними та, відповідно, неопублікованими, наприклад велике дослідження “Іоанн III Васильевич, великий князь Всея Руси и крымский царь Менгли-Гирей”¹⁴. Це дослідження, над яким М. Бережков працював багато років, мало стати докторською дисертацією, однак, так і не було закінчене. Чому? Основна причина, за листами вченого до київського колеги Т. Флоринського, криється в лінії: “Завтра, завтра, не сьогодні, / Так лінивці кажуть”¹⁵. Роботу над дисертацією М. Бережков розпочав під керівництвом незмінного вчителя К. Бестужева-Рюміна, однак дослідження просувалось повільно: “Дисертацію накидую. Nulla dies sine linea. Але інколи саме лише рядка два-три. Нема коли! Лекції забирають багато часу. А там бібліотечна комісія, журнали, поточні книжкові новини тощо”¹⁶, – скаржився науковець у листі від 23 жовтня 1893 р. до колеги. Зі смертю ж учителя в 1897 р. робота над дисертацією була фактично припинена, так і залишившись на стадії проекту.

Кримську тематику в творчості М. Бережкова підтримував його приятель А. Маркевич – один з ініціаторів та організаторів Таврійської ученої архівної комісії та Кримського архіву. Епістолярне знайомство обох науковців розпочалося з весни 1892 р. Ініціатором зна-

⁹ Бережков М. Н. *Крымские дела в старом царском архиве XVI века на основании современной архивной описи* // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 19. Симферополь. 1893. С. 90–100.

¹⁰ Бережков М. Н. *Древнейшая книга крымских посольских дел (1474–1505)* // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 21. Симферополь. 1894. С. 27–55.

¹¹ Бережков М. Н. *Крымские шертные грамоты* // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Кн. 8. Отд. 2. К. 1894. С. 35–56.

¹² Бережков М. Н. *Нур-Султан, царица Крымская: Историко-биографический очерк* // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 27. Симферополь. 1897. С. 1–17.

¹³ Бережков М. Н. *Об одной историко-политической записке времен присоединения Крыма* // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Т. 18. Нежин. 1900. С. 1–10.

¹⁴ *Институт рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського (далі – ІР НБУВ)*. Ф. XXIII. Од. зб. № 414. 200 арк.

¹⁵ Гордієнко Д. *Михайло Бережков та Тимофій Флоринський у світлі епістолярних джерел* // Ніжинська старовина: Збірник регіональної історії та пам’яткознавства. (Серія “Пам’яткознавство Північно-Східного регіону України”, № 12): зб. наук. пр. / Гол. ред. С. Ю. Зозуля, заст. гол. ред.: О. Б. Коваленко, О. М. Титова, О. Г. Самойленко [та ін.]. Вип. 27 (30). Ніжин; К.: Центр пам’яткознавства НАН України і УТОПІК. 2019. С. 164, 170.

¹⁶ Гордієнко Д. *Михайло Бережков та Тимофій Флоринський...* С. 172.

йомства виступив А. Маркевич, зацікавившись працями Бережкова з історії Криму й можливістю залучити вченого до співпраці в Таврійській комісії да друку статей в “Известиях” Комісії¹⁷. Так, у листі від 4 березня 1894 р. А. Маркевич запевняв колегу, що його статті до “Известий” Комісії: “Приймемо з глибокою вдячністю, і Ваші статті завжди будуть кращою окрасою нашого скромного видання”¹⁸. Саме за рекомендацією Маркевича М. Бережков був обраний дійсним членом Таврійської архівної комісії з 4 жовтня 1893 р.¹⁹ і залишався у її складі до самого кінця існування комісії, до 1929 р., себто і після переформування її в Товариство історії, археології та етнографії у 1923 р.²⁰

Загалом, “науковий спадок М. Бережкова, пов’язаний з вивченням історії Криму, до сьогодні не втратив наукового значення”²¹. Першим звернувся до кримського доробку науковця С. Зозуля у статті “Деякі аспекти московсько-кримських взаємин у працях Михайла Бережкова”²². Більш цілісно розкрили постать Бережкова як кримознавця А. Непомнящий²³ та Л. Шипко²⁴, хоча у дисертації Шипко лише побіжно торкнулася кримознавчої тематики у науковій спадщині Бережкова, зокрема зазначивши, що “цикл праць приналежних до кримської проблематики не було узагальнено вченим”²⁵.

¹⁷ Перший лист (“перший лист мій до Вас...”) А. Маркевича до М. Бережкова датований 25 квітня (ст.ст.) 1892 р.: *ІР НБУВ*. Ф. XXIII. Од. зб. № 930. Арк. 1–2.

¹⁸ *ІР НБУВ*. Ф. XXIII. Од. зб. № 932. Лист А. Маркевича М. Бережкову від 4 березня 1894 р. з Сімферополя в Ніжин. Арк. 1.

¹⁹ *Протоколи засіданій Таврической ученой архивной комиссии: 28 января, 19 февраля и 7 мая 1893 г.* // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1893. № 18. С. 139; *Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии: 4 октября, 9 ноября и 30 декабря 1893 г.* // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. № 19. 1893. С. 129.

²⁰ *ІР НБУВ*. Ф. XXIII. Од. зб. № 934. Лист А. Маркевича М. Бережкову від 15 лютого 1927 р. з Сімферополя в Ніжин. Арк. 1.

²¹ Непомнящий А. А. *Подвижники крымоведения*. С. 110. Перелік кримознавчих праць М. Бережкова див.: Непомнящий А. А. *История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы, конец XVIII – начало XX века* / Отв. ред. Л. А. Дубровина; Вступ. ст. В. Ф. Шарапы. Симферополь: Доля. 2001. С. 99–100, позиції № 686–702.

²² Зозуля С. *Деякі аспекти московсько-кримських взаємин у працях Михайла Бережкова* // *Сіверянський літопис*. № 4. 1999. С. 124–127.

²³ Непомнящий А. А. *Подвижники крымоведения*. С. 93–110. – (Библиография крымоведения; Вип. 7); Непомнящий А. А. *Листування М. М. Бережкова та А. І. Маркевича...* С. 223–234.

²⁴ Шипко Л. *Джерелознавчі студії Михайла Бережкова із середньовічної історії російсько-кримських відносин* // *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка*. Серія: Історія. № 84. 2006. С. 142–145.

²⁵ Шипко Л. В. *Наукова та освітня діяльність Михайла Бережкова*. Автореф. ... кан. іст. наук. Спеціальність: 07.00.06 – історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни. К. 2007. С. 11.

Таким чином, на сьогодні ім'я М. Бережкова вже вписано в історію українського кримознавства²⁶, однак потребує дальшого дослідження, як і ширше залучення праць науковця до кола історіографічних джерел з історії Криму.

Кримознавчі студії доповнюються Щоденником подорожі М. Бережкова по Криму влітку 1895 р. Про кримський щоденник Бережкова згадував у своїх публікаціях А. Непомнящий²⁷, на жаль, без жодного джерелознавчого аналізу.

Щоденник подорожі по Криму зберігається в особовому фонді Бережкова (од. зб. № 5), він написаний на 40 аркушах, формату 21,5 × 34,5 см, на обох сторонах аркушів. Щоденник опрацьований автором пізніше за щоденниковими записами, тим самим він має елементи літературного джерела. Опрацювання тексту Бережков закінчив у жовтні того ж самого 1895 року, про що свідчить запис на першому аркуші щоденника. Однак і пізніше автор повертався до тексту, що також впливає з запису на першому аркуші: “Майже через рік я перечитав ці записи...”, а також з правок, записаних між рядками та на берегах тексту, кожен випадок яких відмічається у публікації. Містить щоденник й елементи записної книжки. Так, він згадує “Записки Глінки”, наводить літературні дані до історії Одеси, згадує про щоденники Достоевського, Гонкура, записки Срезневського, аналізує різноманітні газетні статті.

Щоденник оформлений Бережковим в окремий зошит з картоною палітуркою. До щоденника додано 4 аркуші різного формату додатків, не виділених в окрему одиницю зберігання, однак з окремою нумерацією аркушів. Серед цих матеріалів є вирізка з газети “Крымский вестник” за 27 жовтня 1895 р. з віршем М. Бережкова “От Алупки до Байдар”, присвяченим враженням від подорожі по Криму. Цей додаток також додається до публікації. Тематично, Щоденник складається з двох частин: одеської та кримської. Хронологічні рамки визначаються часом виїзду з Ніжина (23 червня) і поверненням у Ніжин (20 серпня). Відповідно, одеський період охоплює час з 23 червня по 5 липня і кримський – з 6 липня по 20 серпня, фактично вечора 17-го, коли він виїхав потягом зі станції Севастополь. Всі дати подаються за старим стилем. “Кримський текст” перебування в Одесі визначався проживанням автора саме в готелі “Кримському” та постійним прагненням врешті вирушити в Крим.

---

²⁶ Непомнящий А. А. *Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): Біобібліографічне дослідження*. Сімферополь: Бізнес-Інформ. 2003. С. 15, 90, 129, 132, 338.

²⁷ Непомнящий А. А. *Записки мандрівників та путівники в розвитку історичного краєзнавства Криму (остання третина XVIII – початок XX століття)*. К. 1999. С. 71–72. – (Науково-довідкові видання з історії України; Вип. 46); Непомнящий А. А. *Подвижники кримоваєдєнія*. С. 102; Непомнящий А. А. *Историчне кримознавство...* С. 90; Непомнящий А. А. *Листування М. М. Бережкова та А. І. Маркевича...* С. 228.

Записи велись по днях, майже щодня. Деякі дні не зазначені, проте визначаються з контексту, наприклад згадкою про перший день в Одесі, що припало на 24 червня. Відсутні записи лише за 27–29 червня, 11, 19, 28 липня та 2 і 5 серпня. Можна припустити, що ці записи були опущені під час літературного опрацювання щоденникових записів. При цьому кримська частина велась більш педантично порівняно з одеською. Про те, що були щоденні записи свідчать короткі записи за цей період в основному Щоденнику²⁸.

Щоденник Бережкова містить значний інформативний пласт для історії повсякдення в Одесі та в Криму наприкінці XIX ст. Наприклад, деталі відвідування ресторанів, туристичні маршрути в Криму тощо. Проте найбільше інформації він дає до біографії самого автора, що відображає епізоди з його життя, авторського сприйняття світу, дає матеріал для його психологічної характеристики. Достовірність описаних подій та явищ досить висока, позаяк, попри пізніше літературне опрацювання, самі записи автором робилися одразу по подіях, як правило, в той же день, про що є прямі вказівки в тексті Щоденника, наприклад, запис 26 липня: "...повернувшись додому, при відблиску місяця в морі, написав цю сторінку щоденника".

В історіографії склався дещо аскетичний образ Бережкова, як людини, що мала "іконописну зовнішність"²⁹. Приблизно таким поставав автор щоденника і у власній уяві. Адже, змінивши чоботи на туфлі лише на другий день по прибутті в Одесу (і це при літній то спеці), коротко підстригшись і купивши шовкового кашкета, Бережков видався собі "досить смішним". Безумовно, що будучи сином священника і братом єпископа, а також випускником духовного училища та духовної семінарії, Бережков був глибоко віруючою і релігійною людиною, що частково висвітлено в історіографії³⁰. Глибоко релігійною людиною постає автор і в Кримському щоденнику. Так, уже в перший день по прибутті в Одесу він зайшов у Миколаївську приморську церкву, на другий день відвідав катедральний Спасо-Преображенський собор та Стрітенську церкву. При цьому Бережков зазначив, що, як для Одеси, у місті "церков не багато". В Криму, очевидно в Ялті, відвідав церкву Йоанна Златоуста, регулярно відвідував єдиний в Алушці на той час православний храм архистратига Михаїла – свого небесного патрона, а 22 липня навіть підспівував алупкінському

²⁸ Див.: *Щоденник професора Михайла Бережкова. Інститутський період...* С. 116–117.

²⁹ Самойленко Г. В., Самойленко О. Г. *Ніжинська вища школа: сторінки історії*. Ніжин, 2005. С. 143; Непомнящий А. А. *Подвижники кривошедия*. С. 107; Кривобок О. П. *Передмова // Щоденник професора Михайла Бережкова. Інститутський період...* С. 6.

³⁰ Див., наприклад: Коляструк О. *Релігійний аспект у науковій діяльності і приватному житті...* С. 91–96. На жаль, дослідження не є повним, позаяк авторка зосередила увагу лише на щоденникових записах останніх років життя Бережкова.

причетнику, що практикував і надалі. У Севастополі відвідував церкву св. Миколи, Володимирський собор, Успенський скит, Георгіївський монастир та інші православні храми та монастирі. Не оминув своєю увагою подорожник і мусульманської мечеті в Алушці, що демонструє відсутність релігійного фанатизму. Сповнений Щоденник роздумами про Бога та вічність, водночас автор зізнається у схильності до спіри-тизму, несумісному з християнством. Також в уявленні оточення Бережков сприймався “людиною не по роках” зі “старечим” голосом³¹. “Старою образиною” у свої 45 років постає Бережков і в авторефлексії Щоденника.

Одеська частина щоденника сповнена переважно описами відвідування місцевого театру, в якому на той час з гастрольми виступала московська трупа. Саме через театр, як зізнається сам автор, він і прожив в Одесі значно довше запланованого часу. При цьому не мистецтво затримало увагу Бережкова, а хтива пристрасть до московської балерини Рославлевої. В цих епізодах автор відвертий і щиро зізнається, що пристрасно любувався балеринами, їхніми ніжками, мріючи “ласкати тебе, обнявшись на перине!” Таким чином, Бережков постає пристрасною людиною, здатною закохатись, що прагне родинного затишку, а не самотньої келії. І цей “аскет” не хоче одружуватись, “ні на вдові, ні на пристаркуватій

Любов Рославлева

дівчині”, йому хочеться “одружитись з молодою дівчиною”, “з балериною”. Як для 45-річного професора кінця XIX ст. – це було незвично, але відверто. Однак, і ця пристрасть сприймається Бережковим як “Божа милість” до нього. Не випадково, згодом, під 9 вересня 1915 р. він зізнається в читанні порнографічної літератури³². Така відвертість зумовлена, за зауваженням самого Бережкова, тим, що щоденник “пишеться для себе і для небагатых”. Згодом, 21 листопада 1904 р., у зв’язку з сумною новиною, Бережков буде змушений згадати свій “напівжартівливий, напівхворобливий щоденник”: “А одна театраль-

³¹ Самойленко Г. В., Самойленко О. Г. *Ніжинська вища школа...* С. 143.

³² *ІР НБУВ*. Ф. XXIII, № 40. Дневник М. Н. Бережкова, т. XXVIII, 1915 год, Нежин. Арк. 113в.

на зіронька занепала: 9 листопада померла за кордоном балерина Рославлева. Царство їй Небесне! Я з великим задоволенням колись дивився її шляхетні, цнотливі танці в Одесі”³³.

У Криму Бережков спершу зупинився в Алушці, приватно на дачі, а не в готелі. Прикметно, що будучи істориком Кримського ханату, Бережков мало цікавиться історичними пам'ятками, більше часу проводить як типовий відпочивальник. Багато ходить пішки по горах, уздовж берега, “дихає свіжим повітрям”. Побував автор на дачі князя Воронцова, в місхорському маєтку Шувалової, кілька разів відвідав Симеїз та Ялту. 9 серпня Бережков переїхав у Севастополь, де відвідав насамперед воєнно-історичний музей та пам'ятки, пов'язані з обороною Севастополя в Кримську війну. Побував історик і на пам'ятках Херсонеса. 14-го серпня Бережков здійснив поїздку в Бахчисарай, де провів два дні і відвідав Ханський палац та руїни Чуфут-кале. Бахчисарая автор приділив дещо більше уваги, особливо палацу, який, проте, сприймає з позицій російської, а не кримської історії.

Відомо, що і в дальші роки М. Бережков відвідував Крим і навіть планував там оселитись, принаймні так він писав з Алушки у листі від 24 серпня 1904 р. до директора Ніжинського інституту Ф. Гельбке³⁴. Подібну думку Бережков занотував і в Щоденнику ще під 28 лютого 1897 р.: “доживати свої роки ще краще б у Криму, наприклад у Севастополі”³⁵. Окремі кримські щоденники Бережков він і під час своїх інших поїздок до Криму. Принаймні, в основному Щоденнику зазначено, що був окремий щоденник за поїздку в Крим упродовж 28 червня – 3 серпня 1901 р., та щоденник на 3 зошити відвідин Криму з 24 червня по 15 серпня 1903 р.³⁶ На жаль, на сьогодні виявити в архівах ці щоденники не вдалося. Сучасним Криму цікавився Бережков і в Ніжині, перебуваючи у звичній своїй обстановці³⁷. Востаннє кримську тематику у житті Бережкова порушив А. Маркевич листом від 15 лютого 1927 р., яким запрошував колегу на з'їзд археологів до Херсонеса³⁸.

Щоденник друкується мовою оригіналу, наближено до сучасної російської орфографії зі збереженням мовно-стилістичних особливостей автора. Поклики Бережкова позначені *, редакторські – нумеровані арабськими цифрами. Підкреслення рукопису передано курсивом. Дати виділено напівжирним шрифтом.

---

³³ Щоденник професора Михайла Бережкова. *Інститутський період...* С. 358.

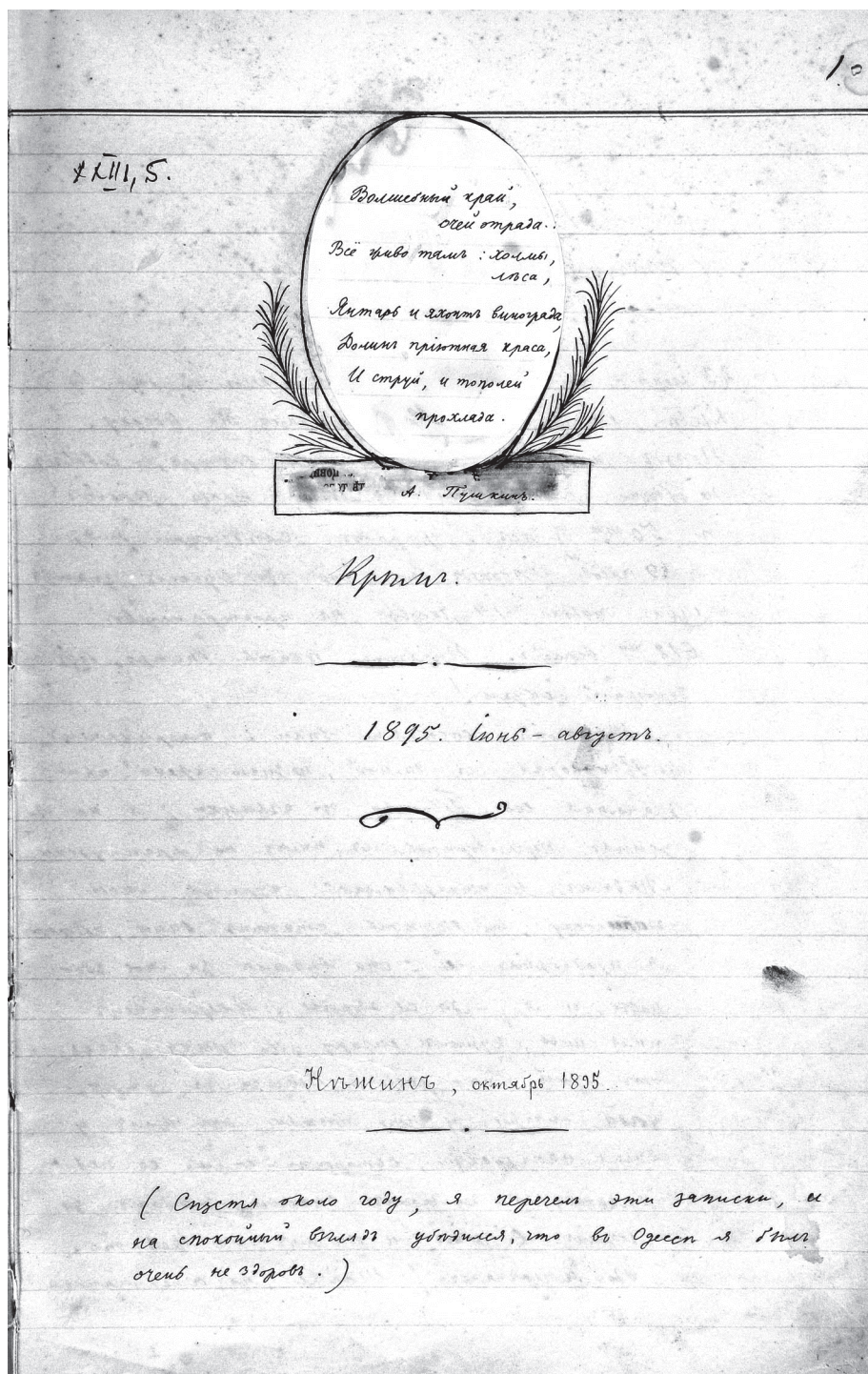
³⁴ Непомнящий А. А. *Подвижники крѣмоведения*. С. 107.

³⁵ Щоденник професора Михайла Бережкова. *Інститутський період...* С. 143.

³⁶ Щоденник професора Михайла Бережкова. *Інститутський період...* С. 254, 353.

³⁷ Наприклад, записи про Крим: *Щоденник професора Михайла Бережкова. Інститутський період...* С. 100, 112, 123, 153, 177 та ін.

³⁸ Непомнящий А. А. *Листування М. М. Бережкова та А. І. Маркевича...* С. 231.

Перший аркуш Кримського щоденника М. Бережкова

Волшебный край, очей отрада...
Всё живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин уютная краса,
И струй, и тополей прохлада.
А. Пушкин

КРЫМ

1895. Июнь – август.

Нежин, октябрь 1895

(Спустя около году, я перечел эти записки, и на спокойный взгляд убедился, что в Одессе я был очень не здоров.)

КРЫМ.

(Впечатления, заметки, мысли).

I

23 июня выехал из Нежина. Того же дня в Киеве. Вечером в 7^{1/4} ч. поехал на Одессу. Поезд курьерский идет очень быстро, – совсем необычно для наших железных дорог, верст по 50^{ти} в час: утром следующего дня, в 9 часов, поезд был уже в Одессе, значит шел только 14 часов на пространстве 612^{ти} верст. Приятно ехать быстро, без дорожной скуки!

В вагоне соседями были: американец из Нью-Йорка с дамой, не знаю жена или знакомая его. Говорили по-аглицки; я кое-что успел переговорить с ними по-французски. Мадам не отказывалась курить мою папироску, ни выпить стакан вина, который я предложил ей: она выпила за мое здоровье, а я – за ее здоровье. Американец пил пиво, курил сигару, но отказывался от моей папиросы. Только к утру, когда сигары у него вышли, он взял у меня папироску, осторожно снял с нее бумажку, а за тем чистый табак заложил в рот и начал его жевать. По американски! Также по американски джентльмен и его дама протянули ноги на лавки друг против друга и отплевывались, точь в точь, как описывает Диккенс (См. его книгу “Американские очерки”).

Насупротив меня сидел молодой человек, только-что окончивший гимназию в Москве, и ныне поступающий в Университет, на юридический факультет: красивый и развитой юноша, но немножко легкомысленный, судя по ответу его мне на один вопрос о Киеве.

– Были ли Вы в пещерах? – спросил я его.

– Как-же, был. Впрочем, я не очень верующий.

Я спрашивал его не об этом; он мог бы не говорить этого последнего замечания. Что делать? Мы вообще не благовоспитанны, не умеем держать себя в обществе прилично, ни разговаривать с достоинством.

На полпути вошел в вагон один помещик, родом владимирский дворянин. У него есть земля в Херсонской губернии; ведет хозяйство, главным образом скотоводство, ибо не находит выгоды пахать и сеять: дороги-де руки рабочие, рискованно-де земледелие: могут постигнуть неурожай и другие несчастные случайности; косить же сено, да пасти скот – выгодно и без хлопот. Дворянин в свое время учился в Московском университете; человек кажется с толком практическим. Но опять таки скажу про нашу невоспитанность: вслух ругает мужиков, издевается над их-де пьянством, леностью вслух всего вагона! По моему, браниться вслух общества – неприлично, каковы бы ни были эти наши мужики.

Впрочем, я скоро задремал и заснул. Порядочно выспался, хоть и часто очень ворочался с боку на бок; янки также дремали и ворочались, а студент и помещик больше всё говорили; они довольны были друг другом.

Часов с шести утра Иванова дня я уже перестал спать; я смотрел на проезжаемую местность Херсонской губернии. Больше равнина, степь, не редко волнистая впрочем: видны глубокие овраги, балки; на скатах видны деревеньки, широко построенные, не богатые, как заметно. Но всё же лучше, чем ногайские кочевья, как было еще не давно, не дальше, как в прошлом веке³⁹, на месте теперешней Херсонской губернии.

Но вот в сизом тумане показался возвышенный берег; обрисовались церкви и здания большого города. Одесса! Вот поезд приблизился к предместьям города: пошли в перемежку дома, огороды; по местам косят хлеб. Проехали массу железнодорожных рельс и построек товарной станции; наконец въехали в средину города, к вокзалу.

Извозчик повез меня по прекрасным улицам, отлично вымощенным, обсаженным акациями, к зданию Крымской гостиницы. Я взял номер с окном на море. “Так вот она Одесса, вот и море наконец!” – подумал я, с удовольствием осматриваясь в номере гостиницы.

II

Я думал прожить в Одессе не больше двух дней, выехать из нее в понедельник 26го числа; но не тут-то было, – и я прожил в ней больше недели, за что нисколько не раскаиваюсь. Хороший город, – есть что посмотреть с удовольствием.

Я вообще люблю получше осмотреться в каждом новом месте. Хочется понять, как оно живет, в чем его характер, узнать его физиономию и внутреннюю складку жизни. Может быть, я имею слишком большие притязания, когда ношусь с такими намерениями. В самом деле: легко сказать “узнать характер” города! Да, ведь для этого надобно тут уродиться, вырасти, или по крайней мере прожить к ряду несколько лет. Однако, я всё таки имею претензии “узнавать” город, или по крайней мере что нибудь получше рассмотреть в нем.

---

³⁹ Мається на увазі XVIII ст.

Итак, я пустился с первого же дня осматривать Одессу.

И прежде всего я попал на Приморский бульвар, ныне называемый “Николаевский”. Вид с него на море очень красив; по спуску к пристаням устроена широкая каменная лестница; на самом верху ее, на бульваре, стоит памятник герцогу Ришелье, строителю Одессы: статуя чисто античного героя и в античной тоге; лицо герцога также античное. Памятник устроен в 1826 году, при М. С. Воронцове: так и видно, по времени уже самому, увлечение античным, или вернее сказать ложно классическим вкусом. В углу памятника вделано большое ядро, – памятник неприятельской канонады в великую субботу 1854 года. В целом всё это довольно красиво, прилично.

Внизу под лестницей находится Николаевская приморская церковь. В то самое время, как я присматривался к ней, начался благовест ко всенощной на колокольне этой церкви. “Ну, – думаю, – схожу в эту церковь: она – первая, которую я увидел в Одессе; ее благовест да не будет по напрасну для меня”. Я спустился вниз по лестнице и вошел в церковь. Она небольшая, но очень красивая; цветные стекла в окнах дают прекрасное освещение ее внутренности. Небольшой хор певчих, опрятно одетых, хорошо пел всенощное богослужение; но жаль, что голоса певчих и священника очень часто прерывались отчаянным свистком машины, постоянно разъезжающей у самого алтаря храма. Ужели машинист не соображает, что нелепо свистать и орать, поравнявшись с церковью, где идет молитва? Право, обидно даже за батюшку и за всех молящихся, у которых крик машины вероятно производит очень тяжелое впечатление.

После всенощной, я опять любовался сверху бульвара морскою картиной. В это время продавец газет предложил мне купить небольшую книжку “Одесса в кармане”. Вот, думаю, кстати! Купил и не раскаялся: хорошенькая книжка – путеводитель по городу, издан. Дружининым, год издания первый.

Так прошел мой первый день в Одессе; в этот день я больше однако⁴⁰ спал, чем ходил по городу. Хоть небольшой переезд от Киева до Одессы, но всё-таки утомительный для меня, слабонервного; вот почему я должен был подкрепляться сном, да чаепитием, да дорожными закусками, в роде нежинской колбасы.

III

Утром, в воскресенье 25 числа, ходил к обедне в Кафедральный Спасо-Преображенский Собор.

В нынешнем году исполняется ровно век со времени его основания. Это – старейший храм в городе. Снаружи он не казист, прост; но внутри великолепен: просторен, светел, чист. В соборе покоятся Иннокентий, Димитрий, Никанор: приятно вспомнить этих великих архиереев, помолиться в храме, где они так тепло молились. Тут же похоронен князь М. С. Воронцов с его супругой, а на соборной площади

---

⁴⁰ Слово “однако” вписано в рядок.

сверх того (т. е. надгробия в соборе) поставлен памятник ему: князь представлен в тоге с фельдмаршалским жезлом.

Не раз я с удовольствием был в соборе Одесском, помолился о родных и знакомых, о живших и почивших. Да приидеть пред Тя, Господи, молитва моя! Благословен Ты, Господи, на всяком месте владычества Твоего!

Заходил еще в церковь Стретения на Новом Базаре; но другие только видел снаружи. Вообще церквей в городе не много, сравнительно с населением. Не знаю впрочем, сколько русских жителей в Одессе, и много ли евреев и разных инородцев.

На улицах встречаются разнообразные типы. Красивых лиц мужских и женских мало: мужчины сухощавы, женщины довольно полны, изящно одеты, стройны, но лицом мало красивы. Тип населения кажется смешанным, однако еврейство не бросается слишком в глаза, по крайней мере в тех кварталах, где я ходил.

Но буду рассказывать по порядку о своих хождениях по городу.

После обедни в соборе, когда я сел у памятника кн. Воронцова, ко мне подходит человек с коробками ваксы и со щетками, предлагает мне вычистить сапоги.

– Как, здесь? Ужели сапоги снимать?

– О, нет, господин! Вы сидите, так как есть здесь, и я на Вас же вычищу.

Я протянул ногу сначала одну, потом другую, и минуты через две оба сапога мои блестели. Это чищение стоит 5 копеек, и часто в городе употребительно: всюду ходят чистильщики и предлагают свои услуги, выхваляя необыкновенные качества своей ваксы. Обычай, достойный подражания и со стороны других наших городов. Впервые вижу его в Одессе.

Того же дня ездил на окраину города, на Малый Фонтан. Путь по конно-железной дороге не дорогой, – (в оба конца стоит 20 копеек), – и скорый. Местность живописная: крутой приморский берег, о который бьются немолчные волны. Шум, – сыт не слушаешься. У берега камни желтого цвета; на них рыбаки удят рыбу. Тут же у берега купаются на открытом воздухе, не стесняясь прохожими: предполагается, что прохожие не должны иметь глаз. А я хоть подслеповат, всё таки не мог не видеть, как наслаждаются водой мужчины, дети обоого пола, наконец и дамы, в особых впрочем купальных платьях. И я решился, глядя на всё это, выкупаться в ванне, тут же устроенной на Малом Фонтане. Ванна очень хорошая: мраморная, чистая; морская вода, подогретая до 25 градусов (по моему заказу); с удовольствием проплавал в соленой теплой воде минут с 15^{ть}, но почувствовал сильное действие: как-то особенно был возбужден, да и голова заболела.

Морские ванны – вероятно мне не по натуре. На другой день, тут же еще выкупался; ванна немного похолоднее, но действие ее еще возбудительнее оказалось. Нет! Для меня видно довольно комнатного обмыванья простою водой: это мне бесспорно здорово, потому что по силам.

Вид с горы Малого Фонтана на море восхитительный: все поле зрения – синяя морская вода, на окраине неба она как будто приподнимается: выходит похоже на наш северный лес, когда он подернется сизой дымкой; суда же с белыми парусами кажутся точно белые церкви, над лесом выглядывающие, – если продолжить сравнение южного моря с северным лесом. Очень красиво! Мне невольно приходили на память стихи графа Алексея Толстого:

“Ой море, ой море,
Ой синее море!”

Да, море делает такое впечатление на зрителя: и величественно оно кажется, – это беспредельное море, и даже⁴¹ подавляющее как-то немного душу: по неволе загрустишь и скажешь:

“Ой море, ой море!”

Именно *ой*, как будто тебе немножко жутко от его стихийной⁴² таинственной силы. И о чем оно говорит? Какой смысл его вечного ропота, его прибрежного шума? Кто скажет это? Надобно быть поэтом, чтобы перевести на человеческий язык этот таинственный шум моря.

IV

Чтобы удобнее ходить по городу серед жары дневной я взял следующие меры:

1. Остригся почти наголо.
2. Купил шелковую фуражку.
3. Купил башмаки.

Незнаю, на что я стал похож с тех пор: на одесского ли еврея, или на какогонибудь французика. Себе самому в зеркале я показался довольно смешен: “фу, ты какая смешная фигура!” – невольно сорвалось у меня с языка.

Итак я стал налегке опять бродить по Одессе. Был в Музее Общества Истории и Древностей⁴³: он заслуживает всякого внимания; но жаль, что печатный каталог древностей его весь пораскуплен, а без него перед многими вещами недоумеваешь. Интересны портреты и гравюры (патриарха Григория, турками казненного; Евгения Булгариса, Никифора Теотоки; Игнатия Готфийского, основателя Мариуполя; генерала Инзова, покровителя Пушкина; государей, министров и пр.). Много вещей запорожских, стрелецких; много античных вещей: мраморные плиты с надписями, статуи, монеты. Но я не буду говорить общими словами: надобно быть много раз в Музее, чтобы говорить о нем с знанием.

---

⁴¹ Слово “даже” вписано в рядок.

⁴² Слово “стихийной” вписано в рядок.

⁴³ Засновний 1825 р. Нині Одеський археологічний музей НАН України.

Два раза я был и в Городской Публичной Библиотеке⁴⁴. Хорошее учреждение; много уже книг и много посетителей. В читальном зале образцовая тишина и порядок.

С 26го числа стал ходить в Городской Театр⁴⁵. Диковинное здание, стоившее городу 1½ миллиона рублей! Одесситы гордятся им, – и конечно есть чем гордиться: великолепная постройка во вкусе итальянском, просторная, светлая, со всевозможными удобствами, безопасная от огня (Прежний театр погиб от огня). Воды много, выходов и входов с 20^{ть}. Зрительный зал роскошен: золото по белому полю; бархат на ложах, креслах, на амфитеатре и даже галлерее; живопись на плафоне, мраморные статуи сверху, грандиозная люстра, электрический свет и проч. и проч.

Из-за оперы главным образом я и прожил в Одессе слишком неделю. Давно я уже не был в театре и не смотрел с таким удовольствием оперу, как эту неделю в Одессе. Я видел и выслушал к ряду 5^{ть} опер: Евгения Онегина⁴⁶, Гугенотов⁴⁷, Маккавеев⁴⁸, Русалку⁴⁹ и Жизнь за царя⁵⁰.

Я не знаю, оттого ли что мои нервы поразслабели, или оттого что у меня возросла чуткость, или оттого, наконец, что с чувством играли артисты, – может быть и ото всего этого вместе, – но я по временам тронут был до глубины души, до слёз, происходившим на сцене действием.

Я не удивляюсь, что увлекаются своей игрой артисты и артистки: они молоды; они рисуются то голосом, то положением сценическим своей роли; они пожидают своего рода лавры, приобретают успех, имя, – всего этого достаточно для их увлечения; но меньше понятно, почему я сам увлекаюсь оперой до слез. Видно – такова сила благородного искусства! Даже при мало мальски порядочном исполнении, т. е. при старании и увлечении артистов, опера глубоко затрагивает слушателя и вместе⁵¹ зрителя. Выйдешь из театра, едва отрезвишься от впечатления, от всего очарования зрительного зала, от пения и музыки, от роскошных декораций, прекрасного освещения. Вне театра – электрический яркий свет, как днем. Нарядная публика выходит под приятным

---

⁴⁴ Заснована 1829 р. Нині – Одеська національна наукова бібліотека.

⁴⁵ Нині Одеський національний академічний театр опери та балету. Побудований 1887 р. за проектом архітекторів Ф. Фельнера та Г. Гельмера.

⁴⁶ Опера П. Чайковського, лібрето К. Шиловського, за мотивами однойменного твору О. Пушкіна.

⁴⁷ Опера Дж. Мейєрбера, лібрето Е. Скриби та Ж. Делавіня, за мотивами роману П. Меріме “Хроніка правління Карла ІХ”.

⁴⁸ Опера А. Рубінштейна, лібрето С. Мозенталья.

⁴⁹ Музика та лібрето О. Даргомижського.

⁵⁰ Опера М. Глінки, лібрето Є. Розена. Інша назва “Іван Сусанін”.

⁵¹ Слово “вместе” вписано в рядок.

впечатлением, медленно и сосредоточенно расходится как из храма. Право, будто видишь праздник какойнибудь, да храм.

Да, счастье богатому и большому городу, в котором есть театр и порядочные исполнители. Счастье Одессе, что у нее есть хороший театр.

По временам опера идет вместе с балетом. Молодые балерины – точно особой породы существа, деликатные, изящные; пляшут легко, очаровательно, поднимают ножки и под прямым углом, и даже больше, чем под прямым... Я любовался ими, особенно г-жей Рославлевой: милое личико, грациозное, стыдливое! Только одно не столь изящно у балерин: у всех ножки кажутся толсты, по соразмерности с их корпусом. Вероятно, это зависит от работы мускулов и их предпочтительного развития; но для глаза – по крайней мере моего – это немного ослабляет художественное впечатление. При всем том однако это – такие ножки, что их долго будешь помнить, и с грустью вместе с Пушкиным скажешь, когда уедешь из Одессы:

“Ах ножки, ножки! Где вы ныне?”⁵²

(Кстати труппа скоро разъедется; сезон русской оперы на днях оканчивается).

Признаюсь, без сладострастия я любовался балеринами, без зависти и пожеланий их женской красоты (т. е. точнее сказать – только с очень маленьким пожеланием и страстным ощущением по временам). Я больше бескорыстно и так сказать идеально наслаждался. Серьезно говорю: я благодарил Бога, Создателя нашей красоты, не меньшей у мужчины, как и⁵³ у женщины, – Его источника жизни и всякой красоты, всякой правды и истины. По совести говорю: не грех полюбоваться женскою красотой и танцами балерин.

Одно грустно, как раздумывается: как-то они поживают, эти балерины, вне театра? Чаю, бедняжки не очень-то весело, в скромных квартирках, на скромном столе? Кто-то бережет их скромность? Больше, вероятно, нападают на них разные искатели – подлипалы, эти “козьи бороды” мужчины. Спаси вас, Господи, миленькие! Уцеломудри нас Иисусе Христе, Спасителю наш! Всех, всех нас, Господи, уцеломудри – развращенных, грешных!

И опять таки скажу с грустью, с удовольствием:

Ах ножки, ножки! Где вы ныне?
Где мнете вешние цветы?

Я хотел было написать письмо примо-балерине, г-же Р., хотел выразить ей свое удовольствие, просить у ней позволения видеть ее лично. Я поднес бы ей букет цветов, поцеловал бы ее ручку. Но раздумал. В самом деле: какое право имею я беспокоить ее? Благослови ее, Госпо-

---

⁵² Строчка XXXI, першої глави поеми О. Пушкіна “Євгеній Онегін”.

⁵³ Слова “у мужчины, как и” вписані в рядок.

ди, и увенчай добром благородное ее дело! Дай ей хорошего мужа, а не прощелыгу какогонибудь и подлипалу... Довольно! Молчание, молчание...

Когданибудь при досуге опишу подробнее одесский театр, по либретто и по афишам, которые мне напомнят действия и лиц игравших. Пока же кончу про театр. Он доставил мне величайшее наслаждение, – и я никогда не забуду этого удовольствия Одессы. Много помог моей близорукости бинокль: совсем иной мир видишь через него; ясны все движения чувств и страстей на лицах, разборчиво становится каждое слово. (Не даром поэты воспевали “стекло”. Стоит его действительно воспевать).

V

По ночам, после театра, я заходил на Николаевский бульвар⁵⁴. Вид ночной на пристани восхитительный: на небе луна, море какое-то седое, а у берега на пристанях блестят электрические звезды светлее самой луны; освежающий ветерок тянет с моря; публика гуляет, или расселась на скамьях и стульях вокруг ресторанчика: пьют чай, закусывают, курят, смеются... Право, весело поживают в Одессе!

Днем большое движение по конножелезным дорогам и просто пешеходство по тенистым бульварам. Деревья на бульварах и в садах тщательно поддерживаются: поливают, подстригают, всячески берегут. Это – признак культуры города.

Кормят порядочным обедом за рубль во французском ресторане, а с 1/2 бутылкою вина за 1 р. 25 копеек. Дорогонько, но очень порядочный стол. Продают много и фруктов, но пока еще кисловатых, не вполне вкусных.

Что мне еще записать? Был в саду Дерibasовском⁵⁵ и в садике на Александровском проспекте. В качестве нежинца нарочно ходил на Нежинскую улицу: не знаю, почему она так называется. Не жила ли здесь нежинские греки?

Пока довольно этих заметок; может быть после припомню еще чтонибудь. Вижу, что мало сказал; сознаю, что “не узнал физиономии города”*. Одно только искренно чувствую, что город хорош; он доставил мне истинное удовольствие. Желая ему вперед еще больше процветать: Одесса и теперь красавица, и со временем обратиться в обширнейший и богатейший город; дай только Бог, чтобы не очень плодились в нем евреи, а чтобы усилились русские, чтобы они сами взяли в свои руки хлебную торговлю, а не евреи.

Жаль мне завтра (1 июля) расставаться с Одессой, с театром. Но пора ехать дальше в предположенный путь, т. е. в Крым.

---

⁵⁴ Нині – Приморський бульвар.

⁵⁵ Нині – Міський парк на вул. Дерibasівській.

* Видел Новороссийский Университет – здание простое, без особого изящества. Видел Духовную Семинарию – еще проще и неизящнее здание.

Прости, красавица Одесса!
Я сразу полюбил твой стройный вид,
Твои бульвары и сады, и даже⁵⁶ уличный гранит,
И балерин твоих прекрасных!
В тебе я пожил не напрасно:
Потративши лишь пятьдесят* рублей
В неделю, я вынес несколько идей
И впечатлений плодотворных⁵⁷; не много покупал,
Почти что ничего не потерял, –
В театре лишь стянули кошелек,
И этим задали урок
Вперед театром любоваться,
Да чаще про карман справляться.
Р. С. Доволен я своим стихотвореньем;
Я просто написал его, без лишнего плетенья:
Без рифмы только у меня красавица “Одесса”.
Ужель она без рифмы существует?
Ужель сам Пушкин тут пасует?

(Сравн. его Сочинен[ия]⁵⁸. III, [с.] 410:... *Одесса*, по воле бурного *Зевеса*... *Одесса*... *завеса*: стр. 413)⁵⁹.

Пора однако ложиться спать! Мне очень почему-то грустно; на сердце какой-то голод. Ужели всё это от театра, от балерин?

“Ах ножки, ножки балерины!
Улыбки глаз и страстные движенья!
Какое было б наслажденье
Ласкать тебя, обнявшись на перине!
(Но я боюсь, что балерина,
Узнавши тайные мои стремленья
К такого рода наслажденью,
Пожалуй, скажет мне: “Скотина!”)

Положим, я не без некоторой грации написал еще восьмистишие; положим, что еще я “не скотина”, оттого что люблю женскую красоту. Нет, я чту и люблю её, как истинно божественную красоту, – говорю это серьёзно, без малейшей шутки. Но дело-то всё в том, что на сердце грусть, голод и холод... Сердце хочет любви, как ни рассуждай, что ни пиши в прозе или в стихах.

---

⁵⁶ Слово “даже” вписано в рядок.

* По более точному счету оказалось 70 рублей траты. – Напис зроблено на берегах ліворуч.

⁵⁷ Над словом “плодотворных” написано “не бесплодных”.

⁵⁸ *Пушкин А. С. Сочинения / Под ред. и прим. П. О. Морозова. СПб., 1887. Т. III: Поэмы и драматические произведения (1825–1833).*

⁵⁹ Текст у дужках написаний іншим чорнилом, очевидно – дописаний пізніше.

(30 июня, ночью, а точнее сказать рано утром 1 июля. И всё таки грустно! Крайне грустно! Отчего это в самом деле?)

* * *

Заснул гораздо позже обыкновенного, спал беспокойно и видел сон: “будто приехала уже маменька из Сибири; совершенно неожиданно войдя в мою комнату и ложась почти тотчас в постель, она озадачила меня. Я не верю своим глазам, думаю: “сон это, или действительность?” Подзываю каких-то детей, хочу через них проверить себя, убедиться: есть ли в самом деле, или нет моей матушки в эту минуту на постеле? Оказалось, что есть. Лицо ее было как-то больное, осунувшееся; она притом чего-то как будто не договаривала мне; как-будто откладывала сказать что-то важное. Ванички при ней не было, – и она про него что-то сказала неблагоприятное”. (Не знает-де, где он теперь).

Проснувшись с испугом я увидел, что в номере моем очень душно, жарко; испорченный воздух и причинил мне удушье под одеялом. Мне стало однако очень жутко от сновидения, и я невольно спросил себя: как-то здорова маменька? Благополучно ли она с Ваничкой доехала до Томска? Об этом я спрашивал вчера в письме к брату, Петру Николаевичу.

Так-то “ходят наши мысли” по ночам и при свете!

Господи, избавлѐй нас от всякия стрелы, летящие в дни, избави нас и от всякия вещи, во тьме преходящие!

Верить ли в гипнотизм, во внушение, в вещие сны? Не знаю, ничего не хочу пока говорить ни *за*, ни *против**. В сущности всё – тайна на этом свете, а область известного, постижимого нами слишком небольшая. Ум наш постоянно заблуждается и на яву, и во сне: иллюзии, предрассудки сбивают его с прямой дороги; легкие болезни, легкие перемены в окружающем воздухе, всякие мелочные обстоятельства действуют на наш ум. Ночной мрак угнетает его, а свет дневной сразу восстанавливает его заботы. “Слава Тебе, Господи, показавшему нам свет”, – говорю я очень часто с благодарностью, вставая с постели, и в первый момент по раскрытии глаз. Сказал это и ныне, но при всем том решил записать сновидение, пока оно еще не рассеялось, как утренний туман над морем.

Шутка про балерин уж не имела ночью никакого отзвука. Напротив, на сердце оставалось что-то такое, говорившее, что неследует нескромно шутить, и что тяжелое сновидение последовало мне как бы в наказание за шалость с вечера: сновидение чувствовалось как очень тяжелое и какой-то тайный голос мне говорил, что всё-де это не к добру. Но я кажется понял всю причину вчерашней грусти: морская ванна сильно возбудила мою выбритую голову, жар дневной пораскалил ее, сквозной ветерок в театре немного простудил ее, а спертый воздух номера довершил всё остальное.

---

* В Одессе я прочел интересную книгу П. Я. Светлова на эту тему. [Мається на увазі книга: *Светлов П. Я. Пророческие или вещие сны. К., 1892*].

1 июля, 4 часов утра. Начну собираться в дорогу.

* * *

Не забыть бы: к слову “Одесса” – прямая рифма есть “пресса”. И тогда выходит, что напр[имер]

“... в Одессе
Не мало есть газетной прессы”.

И это не для рифмы только. В ней много и русских, и иноязычных изданий, много книжных магазинов и русских, и европейских, и жидовских (Смотр. Указатель Дружинина⁶⁰. С своей стороны я купил книг и разной прессы одесской рублей на 10^{руб}: не могу отказать себе в удовольствии купить желанную книгу.)

Но пора бросить перо и приступить к укладке чемодана. Ох, эта укладка чемодана, да еще в такую жару! Сущее наказание! Вот если бы “Крыле голубине”, да полететь налегке прямо через море!

Но я совсем зафантазировался. Право – всё это от ванны.

“Боюсь – солёная вода
Мне понаделала вреда”.

А всё-таки – к делам. Во первых: извольте укладывать чемодан. А во вторых – уплатите по счету гостиницы 15 рублей! В третьих – жаль на пристань! Жаль Одессы, еще жальнее балерин; но ведь нельзя же с ними навек обняться; даже с родной матушкой нельзя жить, век обнявшись...

Да: это очень жалко, что нельзя жить на свете в объятиях чистой и вечной⁶¹ любви. Бедный, жалкий человек: не умеешь ты любить, не умеешь сделать своего счастья! От глупости это, или каприза?

Но за всё в жизни слава Богу и суд Его всесвятиой. Прости же, моя Одесса! Благослови, Боже, морское плавание!

* * *

VI

Одесса, **2 июля**.

Итак я вчера не уехал. Я просто заболел от этой морской ванны, от этой жары и сквозного повсюду ветра. Но в номере гостиницы тоже не лучше: дурной, спертый воздух!

Встретил Василия Ивановича Станилевича и дружески с ним расцеловался. Написал ему стихов про Одессу, уплатил ими за стихи, которые однажды в Нежине он сердечно мне преподнес. Я навсегда буду благодарен ему за доброе ко мне отношение в один из труднейших дней моей жизни.

---

⁶⁰ Литературно-иллюстрированный альбом с приложением адресов торгово-промышленных фирм / Изд. Е. К. Дружинин. Одесса, 1898. – Очевидно, речення вписано пізніше тексту щоденника.

⁶¹ Слова “чистой и вечной” вписані в рядок.

Но как однако крепко берегут в театре артисток! Я хотел узнать адреса некоторых, – и мне отвечали, что артисты и артистки-де очень недовольны за посещения их, или всякие к ним обращения со стороны частных лиц. Пошел в адресный стол, подал фамилию г-жи примо-балерины Р-ой; но потребовали, чтобы я назвал ее по имени и отчеству. Я не знал, – и мне отказали в справке.

Таким образом поднести букет роз г-же Р. я не мог. Кажется, тут нет ничего худого, в этом намерении? И оно не удалось мне! Мирюсь с неудачей, по неволе; да пожалуй помирюсь и внутренне. В самом деле: к чему беспокоить красотку мне, почти старику? По всей вероятности, примо-балерина посмеялась бы такому с моей стороны донкихотству.

Да и правда: это – донкихотство! Теперь я это сознал, успокоился... и бросил намерение на счет букета из роз. К чему беспокоить молодую девушку? Без того у ней головка кружится от упоительного балета, а тут какой-то проезжий, случайный посетитель театра, захотел вдруг везти к ней букет, да сказать ей, например, так: “Милостивая государыня! Позвольте просить Вас принять этот букет в знак почтения к Вашей особе, к Вашему таланту и красоте. Простите, что беспокою Вас! Не найдите странным мое появление к Вам: я просто желаю выразить Вам мое искреннее удовольствие, испытанное на сцене, которую Вы украшаете, и уважение Вашему благородному искусству”.

Да! Всё это я сказал бы с полной искренностью и может быть горячо, может быть еще лучше бы сказал, чем написал. Но как она посмотрела бы? Как посмотрели бы старшие? Ведь она вероятно в обществе старших, в какойнибудь семье. И чью фамилию она носит? Хорошо, если отцовскую; а если мужнину? Было бы еще неудобнее.

Ну, словом сказать, я отказался впору от своего намерения. Жаль было отказаться от него; но лучше было отказаться.

Ах, ножки, ножки балерины,
Веселье глаз, улыбка уст сахарных!
Но я, с своею старой образиной,
Сидел в партёре, как угарный.

Чувствую, что стих мой плох, совсем не летучий, не грациозный, совсем не то, что танец балерины, порхающей как бабочка, прыгающей как серна, смеющейся как ангел.

Пора однако мне кончить разговор об этом предмете. Серьёзно говорю: мое сердце щемит од одного воспоминания об этой грациозной девушке. Да благословит тебя Господь, милое создание! И пусть около тебя живут ангелы-хранители, а не праздные ухаживатели человеческой породы мужеского пола. А если ты имеешь муженька, то я тебя с удовольствием поздравляю: муж – истинный твой покровитель и друг, и если бы он прогнал какого-нибудь подносителя букета, то, право, поступил бы недурно.

Кажется, всё это и я рассудил наконец⁶² также не дурно! По справедливости!

Пойду сегодня посмотреть её в театре, в последний раз; вероятно, больше никогда в жизни не увижу ее! Мне очень грустно. Вероятно, я болен, хотя кажусь себе здоровым, хотя не теряю желания писать эти заметки. И сегодня не раз подступали слезы: нет сомнения, что я болен какой-то особой болезнью. Вот что значит ехать⁶³ на жаркий юг, да “соваться в морскую воду, не спросясь броду”, по русской пословице, да жить одинокому в номере душевной гостиницы. Никому не советую так поступать!

Делать нечего: буду крепиться, перестану купаться; откажусь от вина; по неволе – увы, по неволе – откажусь от театра, который вливал в эти дни в меня какой-то тонкий яд: право, похоже на тонкий яд, в роде опьяняющего напитка или куренья. Курю также много. Аппетит посредственный.

И всё таки схожу в театр выпить немножко того же яду.

Ах ножки, ножки балерины!
Пускай уж стар я образиной,
Но прав, ей Богу, наш поэт:
(Чего на свете нет?) –
“Любви все возрасты покорны,
Ее порывы благотворны”.

Серьёзно говорю: мне следует жениться, доверяя своему сердцу; оно не обманывает нас. Иное дело разсудок, не творческая наша способность; сердце же – сила живая, творческая. И представьте себе: я не хочу жениться ни на вдове, ни на пожилой девице; мне нравится женитьба на молодой девушке. Я женился бы на балерине, если бы она сколько нибудь полюбила меня. А уж как я стал бы любить тебя, мой милый ангельчик, козочка ты моя, крылатая ты моя⁶⁴ бабочка! Да кто это скажет тебе, кроме меня? А как же, где же я скажу тебе это, или что нибудь подобное? Даже адреса твоей квартиры не узнаешь, – и для меня⁶⁵ ты, что царевна в далеком тереме.

Довольно писать! Я, кажется, болен.

* * *

Писать про свои чувства, да еще больному, совсем не следует. Как ни будь искренен, а когда станешь писать, то как раз впадешь в неправду: воображение, да еще разгоряченное болезнью⁶⁶, и перо увлекают!

---

⁶² Слово “наконец” вписано в рядок.

⁶³ Далі йде закреслене “ехать”.

⁶⁴ Займенник “моя” вписаний у рядок.

⁶⁵ Займенник “меня” вписаний у рядок.

⁶⁶ Слова “да еще разгоряченное болезнью” вписані в рядок.

А в театр – пойду; постараюсь быть, как можно спокойнее, буду смотреть, как другие завсегдатаи театра, с холодной важностью: “мы – дескать видали всяких красоток!”

“Чтобы смотреть на балерину,
Набросить должно нам спокойную личину
На нашу стару образину.

Так думают скотины”, – прибавлю я от себя еще под рифму, и не только для рифмы, а по сути правде. Ведь, право, это всё очень фальшиво: старичишка, разрушаясь в ветхой коже, но поедаемый внутренним огнем сладострастия, смотрит жадно на изящную танцовщицу, хотя и с холодной напускной⁶⁷ важностью на лице. А та, бедняжка, изо всех сил старается исполнить трудный танец, по правилам искусства, соблюдая такт, да еще показывая грацию. Хорошо, если она танцует не из последних сил, а свободно и здорово. Во всяком случае я предполагаю, что и по нравственной чуткости⁶⁸ не легко ей, бедной, иногда танцевать на глазах сотен людей, мужчин и женщин, из коих одни смотрят на нее страстно, другие завистливо, или насмешливо⁶⁹. Однако она танцует, увлекается и увлекает даже скотов-мужчин, даже злых дам... “Браво, балерина! Молодцом! Я люблю Вас, моя милая балерина, – я готов Вас тысячу раз обнять и расцеловать, мой ангельчик!” – говорю про себя я сам, или вернее сказать – пишу это здесь, заочно. “О, если бы ты узнала, моя миленькая, стыдливая скромница, как тебя любит один старый профессор!”

– Фи, профессор старый! Не интересно! – пожалуй ответила бы она.

– Да Вы поймите, милая, что дело тут не в профессорстве, а в том, что перед Вами человек, который поклоняется красоте.

– Ну, что ж? Поклоняйтесь, сколько хотите, только не трогайте, не беспокойте меня! Я буду танцевать, пока молода, буду веселиться с подругами; выйду замуж за молодого, по любви, за кого захочу. – По правде, я не оскорбился бы за такой ответ.

И вот⁷⁰ она снова закружилась на сцене, в веселом грациозном танце, – и ей уж нет дела, кто на неё смотрит и какими глазами. Она не боится, что ее сглазят: она сама всякого может “сглазить”, смотря то с восхитительной улыбкой глаз, то с милым, – кротким и скромным, – выражением лица. У ней эта скромность мне кажется – немножко искусственная: она умеет придать скромное выражение лицу своему! И мне это выражение⁷¹ во всяком случае нравится, будет ли оно наивно и непосредственно, или вследствие выдержки молодой де-

---

⁶⁷ Слово “напускной” вписано в рядок.

⁶⁸ Слова “и по нравственной чуткости” вписані в рядок.

⁶⁹ Слова “или насмешливо” вписані в рядок.

⁷⁰ Слово “вот” вписано в рядок.

⁷¹ Слово “выражение” вписано в рядок.

вухки, знающей достоинство красоты и скромности, уважающей себя артистки.

Посмотрим еще разок на нее. “Браво, балерина! Браво, Рославлева!”

* * *

Еще до театра я попал в Записках С. Н. Глинки⁷², вновь изданных, на следующее интересное место о значении танцевального искусства.

“Нодень, танцевальный учитель в Кадетском корпусе, почитал свое ремесло делом высокой нравственности. Он говорил, что вместе с выправкою тела выправляется душа, и что рука граций образует движение ревностного поклонника Терпсихоры”.

А танцмейстер Версальского старинного дворца, Мейран, всей душой переносясь в менует (menuet à la Reine), говорил: “que de Choses dans un menuet!” То есть: “Сколько огня, сколько ума, сколько жизни в менуе!” (Стран. 44).

И правда! А мы свысока презираем танцы, как праздность и безделье, сидим за книгами, как будто это умно или изящно сидеть скорчась в три погибели.

Да, милая балерина! Ты могла бы отказать профессору в руке за то только, что он – профессор, сгорбившийся над книгами. В самом деле: что общего между балериной и профессором? Там грация, веселость, жизнь, а тут – тяжеловесие, скучища, мертвечина...

Кстати вот и еще рифмы:

И сказала балерина:
“Ты профессор – мертвечина!
С твоей скучной образиной
Ты, не пара – балерине”*

Серьёзно говорю: очень жаль, что нас мало учат танцам! Покойный И. И. Срезневский справедливо говаривал своим студентам, что им следует почаще танцевать. Старик-то был умен, и говорил сущую правду. (Дед по матери Срезневского был учителем танцевального искусства в Ярославском Демидовском училище)**⁷³.

* * *

P. S. И как много рифм к “балерине!” С первого раза я не подозревал такого обилия: “образица, мертвечина, перина, дурачина, скотина”. Но правда – мало изящных по смыслу и по строению; едва ли

---

⁷² Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. 387 с.

* Это было бы отплатой мне за рифму “перину” (См. выше). И в самом деле: как это можно рифмовать “балерину” с “периной”? Фи! Перина идет к купчихе какойнибудь, по имени “Катерине”, или к кухарке (Паулине) и т. п.

** Откуда это я взял? Точное ли сведение?

⁷³ Текст у дужках дописаний пізніше, іншим чорнилом.

можно часто их употреблять в будущей пьесе, под названием “Балерина”. Надо будет искать что-нибудь поизящнее, напр[имер] “картина, равнина, стремнина”.

Брависсимо! И план, и мысли есть,
Осталось лишь присесть!

И я при первом досуге сяду и напишу поэму, под заглавием “Балерина”, или по меньшей мере сцены под этим заглавием: действующими лицами будут именно молоденькая танцовщица и старый учитель.

“Брависсимо! И план, и мысли есть!”

VII.

Еще 2 июля, в Одессе же

Мое здоровье стало поправляться. Я заснул несколько раз днем, – и сном подкрепил свои силы. С большим аппетитом пообедал в ресторане французском (раковый суп; осетрина свежая; жареный гусь с огурцом; еще жаркое в роде рубленых котлеток; кофе, мороженое). Пил простую воду, – ни капли вина и пива. Да, надобно уметь держать себя всегда и везде с умом, в добром порядке.

Днем отплатил мне визит Василий Ив[анович] Станилевич. Милый человек! Как я благодарен тебе!

Итак, мне стало лучше, – и я тем с большею приятностью иду в театр. Завтра сезон русской оперы кончается: идут “Маккавей” и танцы, под названием “Мечта художника”⁷⁴. Ныне даются: “Паяцы”⁷⁵ и эта самая “Мечта художника” с участием г-жи Рославлевой. Ах, ты моя мечта приятная! Посмотрю тебя во очию, запечатлю в душе твой образ идеальный. Зачем это я не художник? Ни танцевать, ни петь, ни на каком инструменте играть, ни рисовать! Чему нас учили в школе? (А впрочем, не буду роптать на школу, – это бесполезно, да и не вполне справедливо: в школе я выучился излагать свои мысли и писать. Вот почему я и могу написать поэму под заглавием “Балерина”). Уж опишу же я тебя, моя мечта, моя балериночка! О, если бы мой стих летал так же быстро и стройно, как летаешь ты, моя сильфида, ундина ты моя. (Прелестно: “ундина” – новая рифма к “балерине”. А “сильфиду” – не нужно, тем больше, что с этим словом я не соединяю никакого образа). Плевать на “сильфиду”, а “ундину” взять в поэму, непременно взять; это выходит прелестно: “балерина! Ты моя ундина!” Или: “Свежа ты и чиста, как у Жуковского “ундина”. И т. п.

Кстати надобно будет перечесть поэму этого имени у Жуковского, переведенную им кажется из Лямот-Фуке).

---

⁷⁴ Балет Ж.-Ж. Перро.

⁷⁵ Опера, музыка та либрето Р. Леонкавалло.

Не забыть – завтра купить фотографию г-жи Р. Ужели не достану? Ужели даже карточки не продадут? Ужель и это покажется нескромностью? Престрогий народ – эти одесситы, начиная с градоначальника, генер[ал-]майора Зеленого, который однажды жестоко пробирал на улице толпу евреев, и те, взявши тапки в охапки, почтительно от него пятились назад. А что же? И строгость – дело хорошее в смысле разумного и честного исполнения своей обязанности, особенно строгость к себе самому.

Да, нам нужна строгость. Она особенно нужна мне. И когда же я буду строгим к себе самому, т. е. серьёзным, твердым, мужественным человеком?

* * *

Довольно об этом! Возвращусь к любимому предмету. Я воротился сей час из театра в 11 часов вечера. Видел её еще раз, может быть в последний раз. Не стану плакать, хотя немножко подмывает меня именно заплакать: нет! Лучше развеселюсь, благодаря Бога, Создателя нашей красоты.

Слава Тебе, Господи, что Ты дал нам красоту Твою, во всем мире разлитую щедрою Твоей рукой. Ты Сам Господи, Иисусе Христе, принявший плоть от пречистой Девы, возвел нашу красоту, увядшую от греха, на высшую степень совершенства. Ты умертвил грех, – этого червя, подтачивающего нашу душу и тело; Ты дал нам благодать, исцеляющую нас и украшающую. Ты указал нам, что источник красоты – добро, что только из него одного вырастает всякая красота душевная и телесная, служащая только⁷⁶ выражением внутренней красоты сердечной.

Не знаю имени прекрасной девушки, но и без имени я знаю её, и потому молюсь Тебе, Господи, за нее: благослови её, и всех нас благослови, служи́ть свято Твоей истине, правде и красоте. Уцеломудри нас, Господи!

С удовольствием буду помнить тебя, Одесса, твой изящный театр и твоих артистов. Приятно думать, что в России есть искусство, есть таланты, есть ценители и любители искусства. Чего же унывать, о чем роптать? Велик Господь, велика и Россия, когда она будет верна Ему, как невеста жениху.

Завтра выезжаю в Крым. Прости ж Одесса, прости театр прекрасный! Прости и ты душа-девица, милая балерина Рославлева! Мне кажется я сам стал лучше, повидавши тебя, и предугадывая в тебе прекрасную душу.

* * *

Музы и Грация пусть, балерина,
Вашу дорогу усыплют цветами!
Ангел небесный пускай сохраняет
Всегда Вас своими крылами!

---

⁷⁶ Слово “только” вписано в рядок.

3 июля

Я не уехал из Одессы. Купил билет в театр: идут “Маккавей” и “Мечта художника”. Я еще раз увижу балерину Р. Но жаль, что портрета ее не успел купить: везде отвечают, что русские оперные артисты приехали только на месяц и не успели сняться в фотографии. О, если бы глаз мой был как фотографическая камера! Если бы он навсегда уловил образ Р.!

А фамилия “Рославлева” настоящая ли? Не псевдоним ли? И еще вопрос: что для нее этот г. Хлюстин, поставляющий балетные танцы, и так нежно обнимающий талию балерины? Не нравится мне физиономия этого г. Хлюстина, как и его фамилия. А впрочем почему же ему и не быть Хлюстиным, и не рассчитывать на ласки балерины? Ведь мечтаю же я об ласках балерины, – я, ничего для нее не сделавший; а он быть может сделал для нее чтонибудь доброго, помогает ей советами, воспитывает ее и учит по части хореического искусства и проч. Во всяком случае я не могу запретить г-же моей балерине и г. Хлюстину (похожему на гуся какого то) любить друг друга: ведь они вольны это делать, и г. Хлюстин может быть скажет когданибудь:

“Некогда меня встречала
Свободного свободная любовь”.

Да, любовь и свобода – это два понятия однозначущие. Конечно, есть еще два понятия, еще более высокие: любовь и вечность, т. е. любовь всегдашняя, неизменная до гроба, и там в загробном мире, в царстве небесном; но такие понятия или такие явления очень высоки. Способны ли мы понять их и выполнить на деле, в подвиге жизни? “Больше такой любви нет, как кто положит душу за друга”. К такой любви назначены Господом Богом все люди, без различия полов и всяких условий; сердце наше чувствует, что только⁷⁷ такая любовь свята и велика, как любовь чистых, самоотверженных душ. И то хорошо, что в Евангелии указана такая Любовь, соединенная с высоким долгом. Именно, по Евангелию выходит, что любовь и долг, – долг в смысле высочайшей и строжайшей свободы – вот что составляет счастье любящихся и вместе с тем евангельскую высокую заповедь для них.

Этого довольно! Про житейскую будничную любовь, как-то: про всякие браки, церковные и гражданские, про свободную любовь и любовь из-под плетки, про симпатию, дружбу и прочее, тому подобное, на что горазд лживый человеческий язык, изображающий более или менее приличные названия для отношений двух полов, – про такую любовь я не буду говорить.

Любовь свята, а люди грязнят ее.

Любовь крепка, а люди слабы.

Любовь самоотверженна, а люди – мелкие эгоисты и трусы.

Любовь деятельна, а люди – ленивые праздничные мечтатели. Они воображают, что любовь к ним придет сама, “как гость благо-

---

⁷⁷ Слово “только” вписано в рядок.

датный”. Нет! Любовь требуется развить деятельностью, решимостью, самоотвержением. “Духа не угашайте”, – вот что должны помнить друзья и любящиеся.

Благословен еси, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, давший нам пример высочайшей любви к нам, и высочайшую заповедь евангельской любви.

А я – люблю ли я серьёзно балерину? Изю всего выше сказанного следует, что мне нравится ее милое личико, ее грация, ее душа добрая, поскольку эта душа выражается на лице. Может быть, при других условиях, из моего чувства развилась бы и любовь к этой девушке, – настоящая, прочная любовь. Теперь же я – только праздный мечтатель. Не то что лжец, а именно мечтатель!

Брошу перо! Она мне очень нравится, скажу всё таки по сущей правде, самым положительным языком.

(За вычетом многого празднословия по поводу балерины, остается всё таки нечто дельное, до чего я дописался. Во 1^х балерина Рославлева действительно красива. Во 2^х – и у меня губа не дура, говоря по просту⁷⁸. В 3^х у меня душа не умерла: ибо жив Господь и жива душа моя. И вот вера-то в Бога меня и спасает. Она приводит в порядок мою внутреннюю жизнь; Она – источник моей жизни. Она поможет мне и жениться, если Бог судил мне семейную жизнь).

Я уверен, что ничего не бывает со мной по простой случайности. Вдумываясь в жизнь свою, я вижу в ней ясный Промысл Божий о мне (недостойном, или достойном Промысла Божия, – этого точно не знаю, а знает Сам Господь Промыслитель). Множество раз я видел это, и теперь верую и исповедую, что Бог накажет меня, а милует еще больше. За всё буди Тебе хвала от моего бедного сердца, от моих слабых устен!

Еще раз про девушку балерину: отношу к Божьей милости и то, что я видел изящную красоту, которая есть великий дар Божий.

Посмотрю её через два–три часа... уже спокойнее, но с прежнею молитвой на устах о ней, о себе, обо всех зрителях, чтобы всем нам уцеломудриться, облагородиться. Театр именно для того и сделан!

В эту минуту одинокой моей жизни, но отнюдь не скучной и не печальной, молюсь о моих милых друзьях – кровных и знакомых: об отце и матушке, давших мне чувствительную душу; о братцах и сестрицах; о моем друге – философе и о Марье Ивановне, дружба которых и заочно меня провожает, благословляя; об отце Павле Яковличе, о Петре Ивановиче, бравом моем коллеге, – и обо всех, и обо всём молюсь Богу, дабы Он спас и покрыл всё⁷⁹ Своею благодатью! Слышите ли вы это, друзья мои? Уверен, что вы предчувствуете это в настоящую минуту.

* * *

Воротился из театра в 1 часу ночи, немного утомясь. “Маккавей” – прекрасная опера: и по содержанию, и по завязке; очень музы-

---

⁷⁸ Слова “говоря по просту” вписані в рядок.

⁷⁹ Слово “всё” вписано в рядок.

кальна (А. Рубинштейна). Г^{жа} Попова умно играет ролю Лии и прекрасно выполняет арию:

“Бейте в кимвалы,
Бейте в тимпаны –
Громче, громче!”

Настоящая героиня, мать Маккавеев! Два сына ее младших – прелестная группа (Две девушки). Иуда (г. Виноградов) очень энергичный вождь. Его жена, Ноemi, (г-жа Лубковская) – кроткая, изящная, милосердная женщина⁸⁰.

Вся труппа – московские артисты. Bravo, москвичи! Моя балерина немножко также утомилась: дай Бог тебе здоровья, моя красочка! Другие балерины танцевали очень горячо. А изображавшая Фею г-жа Крылова – очень хороша, как фея, весь-де балет этот показавшая художнику: настоящая “grande dame”, стройная, изящная и здоровая, – больше здоровая, чем Рославлева. Но я предпочитаю красоту этой последней.

Пора, однако, спать и балеринам, и посетителям партера!

VIII.

4 июля

Ночью спал плохо: вероятно простудился вчера, при открытом окне записывая театральные впечатления. Не здорово вышло и то⁸¹, что поздно закусывал, да притом еще дурными бутербродами в каком-то французском ресторане. По утру – опять подступы слёз; в то же время звенят звуки оперы, особенно из “Жизни за царя”, – этой гениальной оперы, где слышится истинно русская жизнь и русская душа, с ее широтой и глубиной, с ее радостью и сердечной тоской. Хочется плакать под звуки этой несравненной музыки; по моему мнению, Глинка – несравненный музыкант в этом произведении именно тем, что он сам, как и Пушкин, выразил “тоску призвания”, тоску по идеалу. Сюжет оперы – очень определенный, очень ясный и несомненный для автора: Глинка имел цельную веру в подвиг Сусанина, именно как в сознательный героический подвиг. Он в ряде музыкальных арий изобразил поступок крестьянина и всю *возможную* обстановку дела, выразил всё, как поэт музыкальный. Но он выразил, кроме правды одного исторического события из Смутного времени, еще эту русскую особую тоску, – тоску о нашем призвании историческом, всё еще не ясно нами сознанным, безпредельную, а иногда совсем туманную тоску о чем-то не сбывшемся или не сделанном. (Что поделаешь со своей природой? “Выше лба уши не растут”. Из своего черепа не вылезешь!) Всегда мы были и будем больше чувствительны, нежели расудительны⁸².

---

⁸⁰ Слова “милосердная женщина” дописані іншим чорнилом у тому ж рядку.

⁸¹ Слова “и то” вписані в рядок.

⁸² Текст у лапках “ написаний надолі наступного аркуша.

И вот почему, когда мне хочется плакать, то у меня в ушах зазвонят звуки его оперы. Эти звуки так чудесны, что уж не обращаешь внимания на слова либретто “Жизни за царя”. Пусть текст либретто слабоват, по местам не ловок, топорен и так сказать – грубо ляпидарный текст: звуки музыкальные всё выкупают. В самом деле: что значат слова, когда музыка говорит больше всякого слова?

Право, так! Я уже привык к словам либретто “Жизни за царя”. Даже неловкие обороты речи больше не поражают моего слуха. Но сердце мое всегда глубоко волнуется чудесными звуками оперы Глинкинской, и мысли начинают роиться целой толпой: что мы, куда мы идем? Что сделаем? У нас много сил: куда их приложить? У нас душа широкая и глубокая; мы можем много любить: а любим ли мы друг друга? То есть – достойны ли мы звания христиан православных и сынов великой России? Отчего мы иногда так малодушны, так постыдно дремлем? Отчего мы не так добры, как бы следовало нам быть, по задаткам нашей хорошей природы русской, богато одаренной?

И много всяких мыслей задушевных возникают в душе под звуки музыки Глинки. Лично о себе тогда я думаю: а ты на что живешь, жалкий человек? Для чего странником скитаешься по свету? Теперь, в эту минуту спрашиваю себя: к чему я сижу в жарком номере Одесской гостиницы, точно у моря погоды жду? К чему это писательство? К чему эти сердечные раздражения? Эти вздохи по хорошенькой балерине, по всех красавицах театральных, это торчанье, каждый вечер по 4 часа, в партере?

Господи! Дай мне облегченья в слезах! Подступайте же, слезы мои! Сердцу легче будет, и яснее станет голова.

Да! Музыка Глинки необъятно широка и чрезвычайно глубока. И пусть всяк по своему сочинит к ней либретто. Право, сто́ит сочинить!

Пойду в город, забреду к театру. Говорят, вчерашнее представление было не последнее; по желанию публики, говорят, еще будут два представления. Посмотрим.

* * *

Да, верно: будут представлены “Паяцы”, а за тем балет “Мечта художника” с участием, натурально, г-жи Рославлевой. Я купил билет, натурально.

Пошел на Пушкинскую улицу. Там есть дом купца Сикарды. Это есть тот дом, в котором квартировал некогда А. С. Пушкин. На воротах его вделана дощечка, которая именно так и говорит: “Здесь жил Пушкин. 1823 г.”

Идучи к дому, я спросил одного встречного молодого человека, кажется еврейчика, далеко ли дом Сикарды. Он отвечал: “недалеко, через два дома отсюда; это – дом, где жил Пушкин, и Вы увидите табличку, которая об этом говорит”, – прибавил мне встречный.

Молодой-то человек как-будто предупредил мое желание, или обращал мое внимание на знаменитость Пушкинской улицы, на дом Сикарды.

Я подошел, прочел надпись, и помолился внутренно: “упокой, Господи, душу раба Твоего, Александра”.

Из-под ворот дома вышли две маленькие девочки лет по 7–8. Я спросил их: “грамотные ли они? Прочитают ли они надпись на дощечке?” Они сказали: “да” и прочли звонкими голосками: “Здесь жил Пушкин”. – “А кто это был Пушкин?” – спросил я их. – “Незнаем”, – отвечали смеясь девочки и побежали дальше. Они были, кажется, тоже “от детей еврейских”.

Тут мне вспомнились слова самого поэта: “Слух обо мне пройдет по всей Руси далекой, / И назовет меня всяк сущий в ней язык”. Да! Он был пророком и ясновидящим во всех отношениях! Он был истинно великий человек русский, и божий посланник нашей стране. Упокой, Господи, душу его в селениях праведных! Он искал всю жизнь истины и правды, служил красоте, значит делал божескую миссию на земле.

Подробно о Пушкине в Одессе можно читать в одесских справочных книгах по истории города. Оказывается, что он очень любил Одессу, ее общество, ее рестораны, все ее развлечения. Здесь он дописывал “Кавказского пленника” и начинал “Евгения Онегина” (Впрочем, об этом надобно точнее справиться).

Но время собираться в театр.

Вот и еще разок я был в театре, и еще разок полюбовался балетом, да моей любимицей балериной Р. Ныне она была бодрее, чем вчера; ее глазки не горели огнем лихорадки, как мне казалось вчера. Спи, почивай моя миленькая! Да привидятся тебе ангелы небесные!

А хороша и Крылова-фея: спокойная, здоровая красота! Сидит в глубине раковины, как царица волшебного царства, покровительственно и очень мило улыбается.

А балетмейстер г. Хлюстин, как петух среди кур, расхаживает меж танцующими девушками. Особым вниманием он дарит Рославлеву и Крылову. А которую больше? Желал бы я знать это, черт его побери! Право, петух он, или гусь лапчатый, или лакей какой-то, затесавшийся “с свиным рылом в калашный ряд”. Вот, свинья, корчащая из себя художника! “Я-де художник, я-де мечтаю!” Петух ты индийский, – и больше ничего, а пожалуй – лакей! (Самое большое).

А впрочем к чему же я бранюсь? Может быть он и знающий⁸³, и порядочный в душе балетмейстер. Только одно меня бесит: как он смеет так крепко обнимать прима-балерину, да еще много раз, в различных фигурах? Извините, это неприлично г. Хлюстин, или Скотинин, или как хотите себе там.

Но Хлюстин – вздор, и мне нет собственно никакого дела до его лакейской физиономии, до его прилизанных волос и какой-то шутовской больше, нежели художнической мантии. Для меня важно, чтобы моя миленькая балериночка была здорова и цвела, да никогда не допускала бы себя в объятия балетмейстера, а была бы всегда свободна, как можно больше. Отчего ей не танцевать без подпоры со стороны

---

⁸³ Слова “и знающий” вписані в рядок.

Хлюстина, или всякого иного козла? Порхай, моя миленькая бабочка, и пожалуйста не давайся ты этому козлу, этому Хлюстину.

Да вот еще вопрос: не ревнуют ли одна другую Рославлева и Крылова? Положим, они хороши, как два ангела; но ведь это-то самое обстоятельство и может возбудить их взаимную ревность? Фу, ты, какой скверный человек я сам, с моим предположением о такой гадкой страстишке, как ревность! Не поддавайся, моя миленькая балериночка, не поддавайся ты этой страстишке: будь свободна всегда и во всем! Поверь мне, дорогая: у тебя очень много красоты – своеобразной, грациозной. Будь умницей, моя душечка: отдай справедливость подруге твоей, Крыловой, и держи себя с достоинством. Бойся ревности, мой ангельчик: ревность испортит твоё личико, твою грацию!

Если я по напрасну предполагаю ревность между Вами обеими, то тем лучше для Вас. Тогда Вы приумножили красоту свою; тогда Вы – действительно два ангела, а я – чертик, праздный мечтатель, который подставляет свои оба уха Вам: выдерите меня сильнее сразу за оба уха!

Довольно для вечера. Шлю Вам обоим воздушный поцелуй, а тебе, моя прима-балериночка, сразу два поцелуя. Пусть феи, музы и всякие грации – там в уедине усыпят твоё ложе цветами, лучшими чем искусственные цветы г. Хлюстина, чтоб его нелегкая там взяла. Спокойной ночи, моя милая! Что если бы ты мне привиделась во сне, да сказала бы мне чтонибудь приятное; я уж не смею мечтать о том, чтобы ты меня поцеловала или обняла, как г. Хлюстина, – черт бы его обнял, а не ты, мой ангелочек!

Пойду спать. Авось она привидится мне. Если привидится, то непременно уверю в телепатию, гипнотизм и спиритизм. А если бы она на яву, узнавши меня, стала бы ко мне ласкава, полюбила бы⁸⁴ меня, то я уж не знаю, на какой бы степени счастья я очутился. Это было бы уже истинное чудо!⁸⁵ Нет, об этом нечего и мечтать! Пойду под свое изорванное одеяло поскорее.

* * *

IX

5 июля

Нет, ничего не привиделось ни хорошего, ни худого. Тем не менее я остаюсь при своей склонности к спиритизму. Чем больше живу, тем больше я становлюсь спиритом; я, например, давно уверен в том, что могу сглазить кого угодно; еще больше могут меня сглазить другие. Не знаю только сейчас, сглазила ли меня какая-нибудь театральная артистка; а я как будто сглажен! Встаю и ложусь с одною мыслью, с одною мечтой! Постоянно думаю, пишу про одно и то же. Давно бы пора ехать в Крым, а я всё еще в Одессе. Нет, если не будет театраль-

---

⁸⁴ Частка “бы” вписана в рядок.

⁸⁵ Речення вписано в рядок.

ного представления, уеду. А если будет, то... то останусь, на последний денек.

Был в соборе у литургии и молебна: там сегодня храмовой праздник преподобного Сергия Радонежского. Еще раз помолился во славу Божию, во славу святых Божиих, о родных и друзьях, и о себе грешном.

Купил две дорожных фуражки, поехал к театру: не увижу ли – думаю – афиши? Но ничего нет; труппа, как видно, разъезжается. Пора и мне.

“Увы! Театра больше нет:
Прости театр, прости девица-свет!
Прости красавица-Одесса!
Пусть никакого беса*
Я не увижу по пути.
Но если б снова мне найти
Красотку-балерину!
С ней посидеть рядком
Взглянуть глазком,
Одним словцом с ней обменяться!
Возможно ведь, что балерина
Со мною может повстречаться!”

* * *

К истории Одессы

Хаджибей б[ыл] взят приступом 14 сентября 1789 г. (Йосиф де Рибас).

27 мая 1794 г. рескрипт Екатерины на имя графа *Зубова*, новорос[сийского] г[енерал-]губернатора, и *де-Рибаса* вице-адмирала, о строении города Одессы и двух портов при нем: купеческого и военного. Закладка города и первых церквей происходила 22 августа 1794 года.

(Итак Одессе минул уже век. И она удивительно выросла в этот век. Теперь в ней 350.000 жителей!)**.

При Павле Петровиче дело строения Одессы приостановилось***. Быстрое устройство ее началось с Александра I, с 1803 г., когда одесским градоначальником (на правах независимого военного губернатора) был назначен знаменитый герцог, Арм. Эм. де *Ришелье*.

---

* Вот другая рифма, кроме “пресса”.

** Сделаю отметку новейшую сегодня, 18 ноября 1894 года: по данным всеобщей переписи от января 1894 г. в Одессе более 404.000 жителей.

*** Анекдотец: бургомистр магистрата, по фамилии Дестуни, со своими коллегами однажды послали ко Двору подарок “3 тысячи апельсиновых фруктов” лучшего качества, первого привозу, – и государь благосклонно принял его, послал милостивое письмо магистрату, и исполнил некоторые просьбы города. Но другое прошение о новых льготах Павел Петрович отклонил, и даже возвратил “яко недельное с наддранием” (Одесса сто лет назад. [Исторический очерк и путеводитель. Одесса, 1894], стр. 14 и 28).

Памятник ему – на месте древнего Хаджибейского замка. Сооружен по инициативе *Ланжерона*, одного из преемников его по начальствованию в городе.

Т[аким] обр[азом] трое иностранцев памятны в истории Одессы: де *Рибас*, де *Ришелье* и *Ланжерон*.

Потом – М. С. *Воронцов*, знаменитый князь-фельдмаршал!

* * *

“Одесса за сто лет назад. Исторический очерк и путеводитель”. Од. 1894.

“Одесский альманах. Юбилейный справочный календарь-сборник, на 1894–95 гг.”. Изд. *Сандомирский*, редактор *Плаксин* (Между прочим статейки А. И. Маркевича, Кочубинского).

* * *

Р. S. 16 мая 1898 г. в Одессе скончался граф Михаил Михайлович *Толстой*, известный благотворительностью между прочим и на театр (он был председателем театральной комиссии); воспитанник Ришельевского Лицея, он всю жизнь⁸⁶ прожил в Одессе, отдавши ей свою честную, благородную деятельность. Он – не чета огромному большинству одесситов!

(Читал про него в газетах “Нов[ое] врем[я]”, в разных номерах от мая 1898 года).

* * *

В нынешнем 1898 г. в Одессе хотят открыть памятник основательнице города, Екатерине II⁸⁷ (Пора)⁸⁸.

* * *

Х

Дневник

5 июля, в 9 час. вечера, выехали из Одессы на пароходе “В[еликая] К[нягиня] Ольга”, ускоренным ходом.

В городе было душно, будто перед грозой, дышать было трудно. На сердце отзвуки театра: то рисуются братья Маккавеев, восклицающие “осанну” перед смертью; то мерещатся балерины в образе Венеры, феи и проч. Ну, сказать короче: “виденья одолели!”

6 июля. В Севастополе, от 11–1 часу дня, пока пароход стоял. Вечером, около 7 часов, в Ялте.

---

⁸⁶ Слово “жизнь” вписано в рядок.

⁸⁷ Пам’ятник був відкритий лише 1900 р. Офіційно він називався “Пам’ятник засновникам Одеси”. У 1920 р. пам’ятник був демонтований, а 2007 р. – відновлений.

⁸⁸ Три останні абзаци, очевидно, дописані пізніше іншим чорнилом і дрібнішим почерком.

7. В Алушке (В обществе киевского студента Андр[ея] Яковл[евича] *Гуменного* и саратовского присяжного поверенного, Ив[ана] Яковл[евича] *Славина*, бывшего петербургского студента, да еще двух дам из Царицына*. Очень милое общество! С госп[одином] Славиным выпили бутылку вина за здоровье свое, за процветание С.-Петербур[гского] университета). Были в дворце князя Воронцова, в парках, в цветниках. Прелестное местечко! К вечеру воротились в Ялту.

8. Отправил письмо маме (предыдущее от 5 июля, из Одессы), равно и Григор[ию] Васильичу.

На пароходе, по пути в Ялту, прочел стихотворение, которое мне понравилось. Вношу его сюда на память “Одессы”, или собственно

“Малого фонтана”.

Сладостно плещется море безбрежное.
Скрипка запела томительно нежная.
Стонет она, соловьем заливається,
С нею душа моя плачет, да кається.

Много таилося чувства горячего
В грустной мелодии вальса певучего.
Дремлют внизу две ладьи белокрылые:
Сон их тревожат те звуки унылые.

Стонет и плачет смычок, заливається,
Бедное сердце на миг забывається:
Грезиться счастье ему невозможное,
Нежное, томное, сладостно-ложное.

Всё, о чем долго и смутно мечталось,
Ясно в мелодии вальса сказалося:
Первой любви и восторг, и страдания,
Чувства, которым не сыщешь названия.

Андр. Владимиров
(Одесский альманах на 1894–95 гг., стр. 94)

Оно так и заглавлено: “На Малом фонтане” (милое, наивное стихотворение. С удовольствием перечитываю его)⁸⁹.

---

* “Царицын – песочница”, по местной пословице. (От них самих, т. е. дам царицынских, слышал). Кстати отмечу. Пушкин так же называл Одессу: “Летом – песочница, зимой – чернильница” (Сочин. III, 409). Сравни стр. 409–413, – превосходное описание Одессы в Александровское время. – Текст написаний на берегах ліворуч пізніше, іншим чорнилом. Царицын – нині м. Волгоград у РФ.

⁸⁹ Слова в дужках вписані пізніше.

9 июля. У Заутрени в церкви св. Иоанна Златоуста.

– Встреча с М. П. Знаменским, – приятнейшая встреча, воспоминания о прошлом – дорогим и невозвратном.

Поездка на водопад *Учан-су* над Ялтой и на укрепление *Исар*⁹⁰. Дивная горная природа и чистейший воздух.

Ялта, по видимому, хорошо веселится.

10. В Алушке. Навестил еще раз М. П. Знаменский. Вечером в доме Александры Васильевны Аладыной: умная, добрая женщина, хотя не очень то счастливая.

Жарища! А в номере моем – ветрище!

Сегодня, **12** числа, ходил на взморье, забрался на скалу и преспокойно выспался на ней, под шум морского прибоя. И поэтично, и здорово!

13 июля.

Скитаясь странником по свету,
Я, наделенный искоркой поэта,
Люблю смотреть и наблюдать
Красу природы, Божью благодать.

Прекрасно небо, море, скалы.
Всего ж красивей человек
С его чувствительной душой,
С красой нетленною во век.

Люблю гармонии послушать,
Всего красивого повидеть⁹¹.

Да! Человек – высшая красота в природе уже по тому только, что он-то и чувствует, и ценит всякую красоту природы и искусства.

Могут однако возразить против этого положения. Скажут: “пускай человек чувствует и ценит прекрасное; пускай у него есть вкус и орган изящного; но еще не доказано, чтобы он сам был красота; он – простое зеркало, простой отзвук мировой гармонии”.

Но я остаюсь при своем: человек и сам, при всех его недостатках и пороках сердца, есть несомненно красота высшая во всей природе и отблеск божественной красоты. Он – гармония и душа, оттого и чувствует гармонию и душу мировую.

14. Газеты извещают о выходе в свет 8го тома “*Journal des Goncourt*”, в коем – дневник за три года (1889–91).

Я никогда не читал этого журнала. Но предчувствую, что он очень интересен. Форма дневника очень удобна, очень естественна. Дневник – интересная вещь для друзей и приятелей. Раз он пишется для

---

⁹⁰ Скеля і середньовічна фортеця в Криму.

⁹¹ Ці два рядки дописані пізніше іншим чорнилом, збоку, на берегах.

себя и немногих – он может быть весьма искренним произведением. Он непосредственнее мемуаров: в нем свежие впечатления, первые записи.

(У нас был чрезвычайно интересный “Дневник писателя”, – т. е. Достоевского).

Один из братьев умер: но Эдмонд Гонкур, которому идет уже 74^й год, продолжает называть журнал свой “*Les Goncourt*”, из уваженья и любви к покойному брату.

Он дружен с семьей Альф. Доде, с *Мопассаном*. Старик – энергичный; жалуется однако на молодежь, что она заносчива, невежлива и готова красть литературные идеи и сюжеты. К политике, к презид[енту] Карно, относится пренебрежительно; Карно он называет бездарностью, и проч.

Да, всякий писатель с умом и чувством может вести интересный дневник для небольшого круга читателей. Именно – для *небольшого*. “Но большому кораблю конечно и большое плаванье”. Крупного писателя будут читать многие.

* * *

15. День именин Володи Аладьина. Поездка в *Симеиз*, на дачи графа Милютин и Мальцева. Выпили вина, приятно провели время: мило, весело!

Получил сразу четыре письма (от Марьи Ивановны, от Мити, от А. И. Соболевского и В. Т. Петрушевского).

Мой катарр грудной облегчается, благодаря мягкому морскому воздуху Алупки. Но мне приходится всякую минуту беречься. Я убедился, что мое здоровье понадломлено, и что мне нужно было бы серьезное и продолжительное лечение хорошим воздухом, при полном отдыхе. На будущий год поеду в Крым раньше.

16. После долгой засухи и тяжкой жары сегодня с утра пошел дождь. Деревья, воздух, всё освежилось. Здоровье стало лучше, нервы и голова спокойнее. Теперь на впечатления Одессы я готов смотреть, как на некоторый бред больной головы... *Sic transit*⁹².

Читаю “Путевые письма И. И. Срезневского”. Вот умница и веселый человек, – царство ему небесное! Отрадно, освежительно читать его письма, – не меньше морского воздуха освежительно.

17. Прочел заметку о новом французском академике *Леметре* (Рус[ские] Ведом[ости] № от 12 июля). Леметр характеризуется как критик “по впечатлению”, без принципов и без теории. Он-де только любит искренно сказать свои впечатления от литературного произведения и от писателя, не заботясь о чемнибудь прочном, принципиальном. Он-де подавлен мыслию о мимолетности, эфемерности и непрочности всего существующего, от относительности всего на свете.

---

⁹² Лат. “так проходить”. Частина ідіоми “*Sic transit gloria mundi*” – “Так проходить земна слава”.

Если так, то это не прочный ум, хотя бы он был талантлив, ясен, искренен. В самом деле: что толку от такой искренности? Что за писатель без веры, без принципов?

– Вечером ходил пешком в Симеиз, а обратно ехал в дилижансе. Днем же лазил по приморским скалам и по крутым берегам. Так что нынешний день гулял много, дышал чистейшим воздухом, потел, жарился... как подобает лечащемуся.

Берег морской, особенно море само – превосходны, истинно красивы. Одна дама, восхищаясь природой, выразилась, что она испытывает “телячий восторг”. Так именно и выразилась, без всякой иронии, как будто так и следует говорить. Смешно, глупо, а – так! Впрочем дама – плохенькая, кажется – петербургская жидовка, с лица очень глупая: ей кстати “телячий восторг”⁹³.

В церкви Алушкинской не успел еще быть: вчера богослужения не было, по болезни батюшки; ни звону колокольного не слышал еще здесь. За то нередко слышны протяжные и меланхоличные крики муэзина на минарете (чин муэзина – говорят – равняется нашему дьяконскому): своеобразные сложные звуки, узорчатые, как восточное украшение! Мечеть довольно большая и довольно богатая: помогал строить ее князь Воронцов. Православный храм – в роде античного; кругом его колоннада. Жаль – оседает на одну сторону, и потому – подперт контрфорсами.

На одной из воронцовских дач видел сегодня (и раньше) несколько “каменных баб” (до четырех или до пяти). Одна нелепо раскрашена в недавнее, конечно, время и для потехи, вероятно. Незнаю, откуда добыл их князь Воронцов. (Справиться в списке каменных баб, – нет ли там сведений).

Вдалеке светит огонек Ай-Тодорского маяка⁹⁴; на небе еще больше светит луна и серебрит море; где-то на взморье жалобно подает свой голос птица какая-то. Пора спать! Завтра ранним утром петухи наверняка меня разбудят: они поют здесь так же громко, как и во всей России, и столько же, кажется, многочисленны. Диких птиц не вижу, кроме воробьев, да голубей: но эти птицы – полудомашние. За то много и очень сильно кричат особой породы кузнечики, выбирающиеся на деревья: орют, как скворцы!*

Растительность очень богата; жаль, что многих деревьев и кустов не могу назвать. Интересно, что рядом с лаврами, кипарисами, оливами, магнолиями и проч. южными деревьями растут и наши северные сосна, дуб и др.

---

⁹³ Слова “ей кстати «телячий восторг»” дописані пізніше, іншим чорнилом.

⁹⁴ Маяк на місі Ай-Тодор, збудований 1835 р.

* Не о них ли стих Полонского: “И *цикады* стрекотанье / За оградой садовой?” (Я ни разу не мог поймать или увидеть даже хорошенько этой цикады). Но в другом стихотворенье (г-жи Львовой) сказано: “Над душой витают грезы, / И *сверчки* поют, поют” (Кажется, вернее выражается Полонский). – Примітка дописана пізніше іншим чорнилом, надолі двох аркушів.

На приморских сухих берегах нахожу, как и в Одессе, дикий лук, а также ежевику.

Да! Очень много есть на южном берегу Крыма достойного для наблюдения натуралисту и историку.

18. Жара огромная: днем на солнце 40°C, в тени 30°C; ночью падает только до 20°C. Сплю при открытых окнах, – вещь для меня неслыханная вот уж много лет, в другом месте невозможная! И замечательно: при этом никаких мошек!

Сегодня на море, на разгоряченных камнях, делал себе обтирание мокрым полотенцем. “Всяка жертва солию да осолится”, – вспоминалось мне из Библии. И я, как жертва некоторая, также просолился. А придя домой, предался сну. Ем, пью, сплю, ничего не делаю, – почти “бусурманскую” жизнь веду. Впрочем победил свою лень, написал три письма: маменьке, Мите и Марье Ивановне, скорой имениннице.

Под нашей дачей чья-то другая. Какая-то девушка играет на фортепьяно: правда не очень твердо, но мягко, мило и нежно. О, эта музыка! Какие глубокие чувства она пробуждает! И названья им не подыщешь, как морским волнам, таинственное что-то говорящим.

Запишу еще несколько мыслей, незнаю христианских или бусурманских.

Нужно ли умерщвлять свои страсти, свою энергию? И где граница умерщвлению? Тогда к чему копить здоровье, к чему заботиться о питании, к чему ехать на море, на хороший воздух? Да, мудреная задача – пользование здоровьем. Мы зачастую поступаем так, что одной рукой строим его, а другой – разрушаем, то как скупцы копим его, зарываем его в утробу свою, то как моты расточаем его на право и на лево. И опять выходит: как же найти меру всему? До коих пор воздержание, и какая энергия не грешна? Можем ли быть судьями себе самим, т. е. безошибочно судить и поступать, когда дело идет о справедливости, умеренности, изяществе?

Да, должны бы быть судьями; но, по нашему несовершенству, мы судьи – очень несправедливые и постоянно ошибающиеся! Так хотел Аллах, и такой наш рок!

* * *

XI

Может быть мы потому редко судим с правильностью, что мало отдаемся и неискренно отдаемся впечатлениям внешним, а всё живем только в своем внутреннем мире, продолжаем “сосать свою лапу”, да грызть свой мозг.

А тем временем и чувства внешние поослабели. Например, мое зрение вводит меня в постоянные иллюзии.

У нас есть, конечно, некоторые правила и положения, некоторые опоры нашей воле среди внешних ощущений и внутренних темных движений. Но тут опять являются сомнения: хороши ли по существу наши правила и предложения? Да! У людей много предрасудков, бесполез-

ных и прямо вредных; ум их зачастую перестает быть ясным зеркалом, а напротив бывает затемнен и завален всяким хламом чужих мнений и предразсудков.

Говорят, наши умственные обобщения и выводы – наша сила. Согласен: в них действительно сила нашего ума, но с оговоркой: дурно составленные понятия, суждения и выводы могут стать нашей слабостью и причинить нам вместо пользы вред, зло.

Твердость не должна обращаться в сухое педанство и в доктринерство. Положения и предположения не должны становиться предразсудками. Не следует копить мыслей только про себя: нужно делиться ими, пускать их в оборот; они станут тогда вернее и плодотворнее.

Скучны все запасы нашего ума. Весело живое сердце, а не ум. Только тот живет полной жизнью, кто не отрекается от законных радостей жизни, кто делится, а не уединяется сам в себя.

Чувствую, что со всем моим умом я ... оглушел! Да, именно оглушел! Отчего это? Или мой ум не большой, слабый? Или ум по природе есть нечто скучное, не творческое?

Довольно такой философии! Пора идти гулять, авось придёт ума...

* * *

И всё-то “я, я, я”! Куда деваться от этого “я”? И при этом – ни смирения, ни изящества внутреннего, ни простоты сердечной. При отсутствии этого рода качеств (т. е. смирения, изящества и простоты), наш внутренний мир для нас может оборотиться адом, он же и обещан грешным людям. Да! Верен обещавший: грешникам – наверное ад! Особенно – грешникам злоумствующим, праздным.

* * *

20. Была литургия. Храм – во имя архистратига Михаила⁹⁵, моего небесного покровителя. Незнаю: не покровитель ли и Михаила Сем[е-новича] Воронцова? Церковь сильно покосилась на правую сторону: войдя в нее, я стал шататься, точно от кружения головы; оказалось однако, что я шел в покатую сторону, отчего и ступал неверно.

Был во фруктовом воронцовском саду, в сопровожденьи татарина Ассана: яблок и груш много, но персиков и абрикосов мало: их привозят в Алушку из Никиты и друг[их] мест. Татарин платит аренды 850 р.

Ночью светит луна: эффект на море чудесный. Тихо, светло, ароматно! Какие-то катающиеся на лодке очень мило пели “Боже, царя храни” и “Коль славен”. А мы (т. е. Александра Васильевна Аладьина и Андрей Яковл[евич] Гумен[ный]) сидели в воронцовском парке, бесе-

---

⁹⁵ Церква Архангела Михаїла, побудована за проектом архітектора П. Ельсона на кошти М. Воронцова. Освячена 1841 р. На той час це був єдиний православний храм Алушки. 1896 р. через зсув храм припинив існування.

довали, припоминали стихи Пушкина, наслаждались истинно очаровательной ночью. Да! Ночью отдыхаешь с полным удовольствием после дневной жары, для меня впрочем не столь утомительной: я люблю вбирать в себя тепло.

Есть и другой сад воронцовский (или, как теперь говорят, майоратский); сдается еще за бóльшую плату, чем первый, потому что больше первого.

21. В мечети. Мало красоты! У входа множество туфлей, дурных, истоптаных. Внутри мусульмане, сидящие особым манером на коленях. По временам, по призыву муллы, они встают, изгибают спины, или повергаются ниц на землю. Воздух душный, одеженка на мусульманах рваная, потная. Впрочем, мулла недурно читал на распев.

Затем, по выходе из мечети, взбирались (с Андр[еем] Яков[леви-чем] Гум[енным]) на минарет, внутри которого витая лестница. Вид с минарета на Алупку, на дворец Воронцова, на море – прекрасный.

Сегодня ел много фруктов (груш) – и обременил себя. А надо бы вести мне строго правильный образ жизни: я бы поправился! Ведь никогда-то я не знал умеренности в пище и в питье, в словах и в поступках! И стою ли после того я какогонибудь счастья? Умеренность – основа счастья.

22. У обедни, а с вечера – у всенощной подпевал алупкинскому причетнику. Помолился за имянинниц. Да придет пред Тя, Господи, молитва моя недостойная! Дух правый обнови во мне, Боже! Дай сердце чистое, и не уклони его в словеса лукавствия!

Случилось быть свидетелем неприятной истории между А. В. Ал[адьиной] и А. Я. Гум[енным]. Вдруг дело пришло к разрыву. Не понимаю, как это так может случиться: ужели нельзя было ужиться, потерпеть, приспособиться? Или мы глупы, горды, безтактны до такой степени, что обычно мы⁹⁶ дела не делаем, а только мечтаем, да говорим, говорим? Ох, эти наши безконечные разговоры, в сущности не скромные, не деликатные! Сколько зла из них выходит? Да! Дорого удерживать язык. Ото всякого празднословия надобно воздерживаться, даже от шутки, от остроты: лучше будет, потому что скромнее так и деликатнее, – и сердце не будет опустошено. Следует беречь сердце, а не раздражать его пустяками! И ум не тратить на праздные остроты! Говорить приходится не много, да притом серьезно и от сердца непременно, если хотим, чтобы слово наше было назидательно.

Простился с Андр[еем] Яковл[евичем], а с Алекс[андрой] Вас[ильев-ной] буду продолжать знакомство. Оба они – хорошие люди. И может быть именно я виноват, что не помог уладиться их отношениям. И опять выходит: празднословить и празднописать я горазд, а дела делать – так не умею!

Но слава Тебе, Господи, за всё, что Ты посылаешь нам ко вразумлению нашему!

---

⁹⁶ Слова “обычно мы” вписані в рядок.

23. Ночью сильное возбуждение. И опять урок: не наедаться, не напиваться! Благоговеть перед Создателем, всегда ходить перед Ним! Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей!

Днем ходили в *Мисхор*, имение графини Шуваловой. Отличное вино (Рислинг), молоко и чай; но за самовар и чай взяли слишком дорого (1 р. 50 к.). Прогулка здоровая и веселая по живописной местности. В парке Шуваловой много интересных деревьев (лимоны и помаранцы с плодами), и цветов (огромные олеандры): парк не многим разве уступает воронцовскому в Алушке.

24. Вечером видели необыкновенный эффект: луна отражала в море огромную золотую колонну. Именно – колонну, а не широкую дорогу.

Беседовали с Ал[ександрой] Вас[ильевной] Ал[адьиной]. Она – умная дама и хорошая по душе. Я с нею откровенен, и не боюсь откровенности. Да и надобно с кем женибудь быть откровенным! Не всё же запирает свое сердце: почему не поделиться мыслью, весельем, даже простою болтовней? Не зло болтать – нет большого греха, а только маленький грех. Впрочем, суд – у Господа Сердцеведца, обещавшего истязать нас за всякое праздное слово.

А кто болтливы, – так это здешние татары: с раннего утра, вместе с петухами, они поднимают на улицах болтовню и продолжают ее до поздней ночи. По моему, это – признак, что они суть потомки греков, – новый лишний признак, что они – не коренные татары.

Сегодня слышал песню татарскую: заунывная и очень похожая на пение муезина. Право, одного характера!

Долго сидел в парке и лежал. Посмотрю завтра, простудился я, или нет. Буду надеяться, что незаболею; даже уверен, что незаболею.

Молите Бога о нас, святые князи страстотерпцы, Борисе и Глебе! (Моему племяннику Борису Лаврову исполнилось 13 лет; моей же службе в Нежине исполняется также 13 лет в октябре нынешнего года).

25. Нет, не простудился. А потому и сегодня сидел и лежал прямо на земле, среди кипарисов и сосен. Вечером на хаосе, в верхнем парке.

26. Взошли на гору над Симеизом, на виноградник Асан-аги Темиршаева. Ели татарский суп из барашка и шашлык. Запивали чаем и вином из имения Боржо*. На всем пути, по обе стороны дороги, виднеются виноградники татарские и русские.

---

* Швейцарец Боржо, католик, приехал в качестве винодела в Крым, в имение Мальцева. Его сын принял православную веру и был управляющим у им. Дондукова-Корсакова. Я познакомился с его вдовой и тремя дочерьми – барышнями. Две из них поют на клиросе Алушкинской церкви.

Вино Боржо – красное, Аликанте – очень хорошо и не дорого по цене: 50 копеек за бутылку.

Очень большими виноградниками владеет Хаджи Аби-Булла, кажется самый богатый из татар Алушки.

Оказывается, по словам Асан-аги Темиршаева, что виноградарство – очень выгодное занятие. С десятины собирается в год 250 пудов винограду. Из них выходит столько же ведер вина.

Десятина земли под виноград стоит $2\frac{1}{2}$ – $3\frac{1}{2}$ тысячи руб.⁹⁷, примерно 1 рубль, или до $1\frac{1}{2}$ рублей – за квадратную сажень. Разделка земли (копанье ее, выброска камней, оплот вокруг виноградника и вся вообще подготовка ее для сажанья лоз) обходится также по 1 рублю с сажени, приблизительно. Вот две единовременные траты! После того требуется сторож-садовник с платой по 300 рублей в год. Через три года лозы будут давать виноград, чем дальше, тем лучше (У Воронцова лозы имеют до 60 лет, – и от них самые лучшие ягоды).

Виноград (грозды) по татарски называется “шарап” (Сравн. великорус. фамилию “Шараповых”). Мад. Аладьина и Асан-ага советуют мне купить десятину – две земли в Крыму и завести виноградник. А что ж? Хорошее дело! Кушать свой “шарап”, и жить в своей куще виноградной!

Очень жаль, что разъехался с ялтинскими гостями, давно жданными (Ляхмайеры и Петрушевский). Не найдя их в парке, пошел на морские скалы и слушал долго прибой волн. Какая прелесть! Потом набрал камешков на память Алушки, и воротясь домой, при блеске луны в море, написал эту страничку дневника. Ну, да что мой дневник в сравнении с великолепною картиной лунного сияния в море, прекрасно видного в окна моей квартиры?

Однако, сегодня за фрукты, вино и за поездку я издержал слишком 4 рубля. Эдак в конец проживеешься здесь!

Ассан, продавец фруктов, говорил про себя, что он начинает свой день обыкновенно тем, что ест фрукты, которые для него очень-де полезны: “ими он живет легко, как птица”. Может быть оно и так, на самом деле. Вообще татары благодушествуют и хорошо поживают в Алушке: зажиточны, хорошие виноградари, ловкие торговцы. Но фрукты продают они нам, приезжим, очень дорого: мошенничают на счет наш!

27. И сегодня, как вчера, дует сильный ветер. Виноградарям и садоводам это невыгодно: обивает фрукты. Вероятно, мусульмане молятся Аллаху, чтобы такой беды с ними не случилось. Но что Аллах судил, то и случится. (Отсюда даже следует, что ему и молиться не стоит).

Был еще раз в доме и в саду Воронцова. Растительность замечательная. С помощью садовника Аби-буллы я заметил: магнолии, гранатовое дерево, несколько пород редких акаций, чайную розу, персиковое дерево и проч. Видел виноградную галлерею, где лоза достигает толщины в руку. Пальмы – более полвека. Огромные агавы и алоэ в грунте и в вазах. Олеандры в грунте же.

---

⁹⁷ Слова “ $2\frac{1}{2}$ – $3\frac{1}{2}$ тысячи руб.” вписані в рядок.

В нижнем парке видел дерево, ветви которого очень похожи на мускулы человеческих рук и ног: что это? Красное дерево? Или *arbutus*?

В воскресенье Аби-булла обещался еще раз проводить меня по саду и по парку. Но для изучения флоры следует ехать в Никитский сад; сделаю это уже в будущем году, предварительно прочтя сочинение Палласа⁹⁸.

29. С утра шел дождь. Воздух просвежел. Стало хорошо. По ночам – великолепные молнии, гром, сильный прибой волн, как ночью ныне (на 30^е число).

30. В Симеизе. Счастливо убрались от дождя.

Сегодня – с праздником: получил три письма. Но сегодня же и серьезное “memento” на счет клиросского пения. Ночью почувствовал лихорадку, и весь следующий день (31^я) провел в постеле. “Сглазили”, – решила Анна. “Простудился” после чаю вечернего, в открытые окна, куда тянул сильный ветер – вот что причина действительная болезни. И всю ночь, и всё утро 31го дул очень сильный ветер. К тому же разстроился желудок. Не заговеться ли уж мне и на фрукты?

Август 1. И на сегодня чувствовал ночью лихорадку, потом жар, пот, бред. Не мог выходить в церковь. Бог наказал меня за невоздержание. Но слава Тебе, Господи, милующему меня! Сегодня с утра мне гораздо лучше.

И днем, и наконец ночью всё было спокойно, обычно.

В газетах вычитал о кончине Вас[илия] Дм[итриевича] *Сиповского* († 21 июля) и Генриха *Зибеля* († 20 июля).

Напечатаны: Положение о СПб. Женском медицинском институте, высоч[айше] утвержд[енного] 1 июня, и Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи, высоч[айше] утвержд[енное] 5 июня.

В газете же (“Рус[ские] Введом[ости]” № от 27 июля) напечатано журнальное определение Нижегородск[ого] Епарх[иального] Училищн[ого] совета при братстве св. Георгия от 18 мая 1895 года об удалении от школ грамоты Нижегород[ской] епархии г-жи *Штевен*, и ответное письмо по поводу этого определения самой *Александры Штевен*. (Дело не маловажное и по принципу, и по форме).

3. Получил письмо из гор[ода] *Комо* в Северной Италии от г. Лебедева: Митя нездоров! Господи помилуй нас! И что это значит: он – будто бы псаломщик флорентийский, а г. Лебедев про это ничего не говорит, а подписывается сам “псаломщик флорентийский”? Кому же из них двух принадлежит это звание?

В парке видел пробковое дерево, другие экземпляры гранатового дерева, глициний (с фиолетовыми цветами, что вьется по воротам) и

---

⁹⁸ Очевидно, мається на увазі твір: *Паллас П. С.* Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. СПб., 1795.

пассифлёр (цветы в виде звезды), лавровишневое дерево. Видел бук, персидскую сирень и проч. (Платан очень похож на наш клен).

4. В Лондоне нынешним летом собрался очередной Географический конгресс. Сегодня в газете “Рус[ские] Вед[омости]” (от 30 июля) я прочел корреспонденцию – отчет о заседании, где шла речь ученых о колонизации Африки, тропической особенно. Вот что между прочим сказал по этому предмету *Стенли*: “Прогрессу Африки вредили прежде пески и рабство; теперь начинает вредить пессимизм.

Нет никакой надобности ни во введении обязательного труда, ни в привозе красных, белых или черных (т. е. работников из чужих стран). Что касается до опасности африканского климата для европейцев, то надо принять во внимание, что *сами европейцы обыкновенно неумеют жить*. Они забывают о необходимости считаться с африканским солнцем; они переходят надлежащую меру: *излишне утомляются, злоупотребляют едой и спиртными напитками*. И вот являются оттого: меланхолия, даже временное потемнение сознания, лихорадка*, затруднения слуха, зрения...

В течение 23-х лет, – продолжал Стенли, – я семь раз был в Африке, а два раза перешел ее поперек, – и тем не менее я чувствую себя столь же здоровым и сильным, как и прежде”. Корреспондент с своей стороны прибавляет, что-де Стенли еще сохранил всю бодрость и энергию в чертах своего не особенно впрочем симпатичного лица, и уже порядочно поседевшего.

Я полагаю, что замечания знаменитого путешественника о неумении жить в новой местности применимы к большинству людей: надобно именно уменье, или вернее сказать – терпеливый опыт, чтобы без большой болезненности приспособиться к новой местности. Говорю это по личному опыту в нынешнюю крымскую поездку. Может быть и Митя, итальянский мой путешественник, – также пример, сюда подходящий.

Спаси его, Господи! И тетушку Авдотью Петровну, сегодняшнюю имянинницу, и всех нас, путешествующих, или на одном месте “труждающихся отец и братья!”

* * *

Рожденье, брак и смерть – все эти события в нашей жизни самые решительные, истинные грани нашей жизни. Их называют и роковыми. Пожалуй, так. Только брак имеет всё таки важное отличие свое от рожденья и смерти: два последние момента не в нашей воле; но брак дело в значительной и даже в высокой степени – дело нашей воли, нашего разума, совести и живых чувств. Это – вздор, что брак – судьба, лоттерея. “Смотри в оба, – вот правило при совершении брака, а зри в три”. Да и всегда хорошо это правило в сознательной деятельности:

---

* “Один из семи местных видов лихорадки”, особая малярия.

“Смотри в оба,
А зри в три!”

С этим всем почти соглашалась и моя собеседница Ал[ександра] Вас[ильевна] Ал[адьина], навестившая меня сегодня, – спасибо ей.

А впрочем брак по любви, страстной и сильной, бывает слеповат; но за то сильная и страстная любовь может спать крепко и навсегда брачные узы. И пусть человек, под влиянием сильного чувства, кажется слеповатым по отношению к любимой женщине. Но это так только кажется:⁹⁹ на самом же деле сильная любовь бывает ясновидящею и даже весьма¹⁰⁰ осмотрительной. Во всяком случае хорошо делать брак при наличности сильного чувства; с холодным же умом одним ничего не выйдет для любви и семейной жизни! Хладнокровные и не женятся совсем!

Да, человек – хозяин своей судьбы, – и тот есть истинно счастливый человек, и добрый человек, кто есть семейный человек (Жуковский), – кто “хозяин”.

* * *

Между репейником и розовым кустом
Фиялочка себя от зависти скрывала,
Безвестною цвела, но горестей не знала.
Тот счастлив, кто доволен своим уголком.

(“Memento” для празднующихся по белу свету странников).

6. Утром в храме. Днем в Симеизе. Прекрасная погода прохладная: всего 15°. (Это – после 40° жары в конце июля). А теперь пора собираться в Севастополь.

7. В газетах напечатан Высочайший рескрипт на имя французского посла. Выражено удовольствие по поводу 50-летней службы Моренгейма и особенно службы во Франции: “настоящая деятельность Ваша, направленная к охранению дружеских отношений между Росс[ийской] империей и Франц[узской] республикой, способствует успешному¹⁰¹ разрешению дорогой моему сердцу задачи: упрочению всеобщего мира”.

Это сказано хорошо новым государем. Это – по отцовски!

Барон Артур Павлович Моренгейм нашего происхождения: иностранец или остнец?

Учился в Моск[овском] университете и кончил его действительным студентом. В последнее время служил посланником при датском дворе

---

⁹⁹ Слова “на самой же деле” вписані в рядок.

¹⁰⁰ Слово “весьма” вписано в рядок.

¹⁰¹ Слово “успешному” вписано в рядок.

(1867–1882), послом при великобританском (1882–1884) и французском дворе (до настоящего времени). 26 июля исполнилось 50 лет его службы. Награжден орденом Владимира I степени.

– Получил письмо от самого Мити, и тотчас отвечал ему. Возстави его, Господи!

– С почты пошел на взморье, сел на лодку и поехал в море на часовое катанье. Отъехали версты на три от берега: видели не только Аю-даг, но даже вдалеке горы Судака. (А это будет верст сто от Алушки).

Лодка на парусе шла очень быстро. Я спросил лодочника, умного грека, мог ли бы он на своей лодке переплыть море до Синопа. Он отвечал, что от южных оконечностей Крыма до Малой Азии сто двадцать морских миль, и что в хорошую погоду, при лучших условиях, лодка его может переплыть море в сутки с небольшим. (После того я перестаю удивляться предприимчивости старых козаков). Лодка у него хорошая: цена ей рублей 200, а с оснасткой до 300.

Оба лодочника (другой – русский из Аккермана) оказались словоохотливы; оба умны и опытны. Летом и осенью ловят рыбу, для чего отъезжают от берега верст на 15–20^{тв}. Ловят белугу на крючок (живец рыбка камсá, или анчаус). Ловят хорошо скумбрию или макрель, и разного рода рыбу.

Грек сказал мне начало песенки греческой, которая начинается вопросом: отчего рыба плавает в морской соленой воде, а сама не солёная? В самом деле интересный вопрос. Незнаю, отчего так; но видел, как грек-лодочник доставал кружкой морскую воду и пил. Говорит – привык. Может быть и с рыбой отчасти так же?

Покалякали, покурили, а потом воротились к Алушке. Войдя в пристань сказали: “δὲξα σοί, Κύριε! Δόξα τῷ Ἰησοῦ Χριστῷ εἰς αἰῶνας τῶν αἰῶνων”. “Καλῶς ἐν λιμένι!”¹⁰²

Пообедал у Россе, потом опять на почту – чтобы отправить письмо к Мите. Приятно близко слышал, как муедзин звал на молитву: очень трогательно! Незнаю только, как слушают его правоверные, сильно погруженные в торговлю.

А теперь пора укладываться. Завтра в Ливадию и в Ялту. После-завтра – в Севастополь.

8. В Ливадии, во дворцах. Спасибо – пустили не в очередь.

– В Ялте у знакомых.

– В Никитском саду.

Воротились домой в 10 час. вечера, сделавши путь верст в 45. Чудесный путь!

В Никитском саду видел следующие растения:

Platanus orientalis, чинар восточный – величественное дерево.

Ливанский кедр.

Pinus laricio Pallasiana, крымская сосна.

---

¹⁰² Гр. “слава Тобі, Боже! Слава Ісусу Христу на віки віків”. “Добре в порту”.

Плакучая сосна.

Разные виды деревьев – “туя, биота”.
(Вообще хвойных пород очень много).

Казачий можжевельник,

Секвея вечнозеленая и пр.

Дуб каменный.

Дуб виргинский.

Дуб пробковый, *quercus suber*.

Плакучая ива, *salix babylonica*.

Arbutus andrachne, земляничник мелкоягодный, иначе¹⁰³ – кизильгач. (Есть земляничник и крупноягодный).

Интересна весьма “араукария” чилийская.

Tamarix chinensis, бисерник китайский.

Из трав:

Vinca major, барвинок большой.

Hiericum clatum, зверобой высокий.

* * *

Слава Богу! Нынешний день счастливый: видел много весьма интересного. Я счастлив, что видел место кончины государя Александра III.

Видел прекраснейший сад Ливадии и интереснейший сад Никитский. (Не забыть про директора его, Никол[ая] Андр[еевича] Гартвисса, 1827–1860). Ему памятник в саду. Близ верхней Массандры – часовня, постр[оена] генеральшей Шатовой, в память 17 окт[ября] 1888 г.¹⁰⁴

А горные виды! А море! – ни в сказке сказать, ни пером описать. Благословен еси, Господи, во всем Твоем создании!

Прости, южный берег!

“Увижу ль вновь я вас,

Таврические волны?”

(Надо будет перечесть это стихотворение Пушкина).

А теперь пора спать: 11 часов вечера. Завтра – в Севастополь.

XII

9. В 9 час[ов] утра из Алупки с А. В. Аладьиной. В 8 часов вечера в Севастополе.

На пути останавливались у церкви Воскресения, в имении Кузнецова “Форос”. Кормили в Байдарах, и сами кормились скверною бараниной. Но за то виды дорожные – восхитительные!

(Имение Филибера, Кузнецова и прочих. Скалы обнаженные южного берега сменились за байдарскими воротами – возвышенностями,

---

¹⁰³ Далі йде закреслене “караагач”.

¹⁰⁴ Цього дня, неподалік залізничної станції Борки поблизу Харкова імператорський потяг зійшов з рейок. Ним царська сім’я поверталась у Петербург з Криму, ніхто з них не постраждав. Загалом загинуло 20 чоловік.

с очертаниями более мягкими, и с зеленой растительностью. Байдарское ущелье восхитительно, равно и виды к селению греческому Комары¹⁰⁵, к Балаклаве и т. д.

А. В. Ал[адьина] рассказывала о том, как в Байдарской долине назад тому года два был убит русский генерал татаринном-извощиком. Убийца-де скрылся в Турцию.

От нее же слышал раньше об убийстве генеральши персиянином в Ялте, назад тому три года. Убийство из ревности: барынька-то сменила персиянина на татарина).

Ну, пускай их! “Я в Севастополе”, – вот что интересно!

10. В Военно-историческом музее. Он скоро переходит в собственное помещение, рядом со старым собором. А теперь – в наемном, в доме графини Тотлебен. Богатое собрание портретов. Был и другой раз, 12го числа, чтобы всмотреться в некоторые портреты и гравированные картинки. (К удивлению, отдел сатирических картинок очень мал).

– Вечером на братском кладбище, или на “братских могилах”, как говорят частые тамошние подписи.

Из отдельных памятников заметил:

Генер.-лейт. Степ. Александр. *Хрулева* (ум. 22 мая 1870).

Кн. Мих. Дмитр. *Горчакова* 2го (1792–1861).

Адмирала Алексан. Петр. *Спицына* (1810–1888).

Вице-адмир. Модеста Дм. *Новикова* (1829–1893).

Кумани † 1889.

Ставраки † 1892.

Графа Эд. Ив. *Тотлебена* † 1884.

(Незнаю, где погребен князь А. С. Меншиков?)

Церковь святителя Николая, общий памятник над всеми погребенными, очень хороша внутри.

Утром того же дня побывал в адмиральском Владимирском соборе. Великолепен! Внизу, в особой церкви, погребены *Лазарев*, *Корнилов*, *Истомин* и *Нахимов*. Из новых адмиралов – *Карпов* и *Шестаков*.

11. В Георгиевском монастыре, в Балаклаве и на французском кладбище.

Снова увидел скалистый южный берег, да притом необыкновенно красивый: дико и прекрасно вместе – эти скалы Фиолента! Бухта блещет красками, а монастырь на горе тихо смотрит на всю красоту божьяго мира. Воздух чист и ароматен. Одно не легко, это – подъем в гору с моря.

Балаклавские ущелья очень также красивы, равно и бухта изумрудная. Рыба (кефаль, камса или сардинки), вино Витмера – очень хороши. Был на генуэзском укреплении: виды на взморье и на бухту замечательные. Бухта – с версту.

Французское кладбище опрятно содержится.

---

¹⁰⁵ Нині с. Оборонне Балаклавського району м. Севастополя.

(Справиться, когда и где погребен знаменитый министр князь Алексан[др] Никол[аевич] Голицын? В Георгиевском монастыре есть могила, кажется, его именно, с надписью: “Князь А. Н. Голицын род. 1773 г. дек. 8, сконч. 1844 ноябр. 22”). Вероятно – он, а не другой соименный? Да, по всей вероятности он: это именно даты его жизни¹⁰⁶.

12. На Малаковом кургане и в Херсонисском монастыре.

Поездя на Малаков, на братское и в другие окрестности Севастополя, я получил некоторую идею об его осаде и защите нашей, и некоторое живое чувство величия всего этого дела. Bravo, русские воины, отстаивавшие город 11 месяцев грудью буквально! И дорого ж стоил Севастополь этим гордым неприятелям нашим: право, больше кичливости, чем искусства военного!

Севастополь энергически строится. Старых, полуразрушенных домов уже очень мало остается: я заметил на соборной улице один такой дом, бывший Волокова: избитый бомбами, обгорелый! Город расширяется, подчищается, – и если будет так же продолжаться, – то скоро обстроится, и может быть станет соперничать с Одессой. Бухты его великолепны и удобны в высшей степени! Он был (в эпоху Херсониса старого и нового), и будет непременно торговым городом, как бы там не стесняли его.

Новый храм Владимирский в Херсонисе¹⁰⁷ великолепен; дай Бог ему долго красоваться на душевное удовольствие русским, и невидать у себя вновь неприятелей.

13. У литургии (с Володей, в Адмиральском соборе. Проводил Ал[ександру] Вас[ильевну] Аладьину (пароход “Пушкин”).

14. В Бахчисарае, в Успенском скиту и в Чуфут-кале (и **15**^{го}).

В ханском дворце – прежде всего. У ворот слева каменный столб с надписью: “блаженной памяти императрица Екатерина II изволила быть в Бахчисарае 1787 г. мая 14”. В дворце ее портрет, кровать и деревянные туфли. Во дворе – три деревца, каштаны, посаженные государем Александром III, государыней и наследником 4 мая 1886 г. Это – последнее высочайшее посещение дворца. Его поддерживают: недавно, напр. выстроили новый минарет. Оберегает его полицеймейстер, он же и смотритель дворца. Много старины; но много и упадка: знаменитый фонтан, воспетый Пушкиным, изсяк, не дает ни одной слезы! Sic transit gloria mundi et gloria tartarica¹⁰⁸!

Чуфут-кале – развалина и дикое почти место; назад тому лет 40–50 караимы оставили его, но местность представляет такую дикую развалину, что кажется гораздо раньше оставленной. Цела и поддержи-

---

¹⁰⁶ Речення дописано пізніше іншим чорнилом.

¹⁰⁷ Збудований 1891 р. за проектом архітектора Д. Грімма. Відбудований наприкінці 1990-х – початку 2000-х років.

¹⁰⁸ Перефраз Бережковим відомого латинського вислову (прим. 92): “Так проходить земна слава і слава татар”.

вается синагога с надписями о посещениях высоких особ; много пещер, но не видать, какого времени и для чего.

Успенский скит возобновляется и всё больше обстраивается: 15го числа, в храмовой праздник, служил преосвященный Мартиниан.

Сам город – интересный татарский городок, среди ущелья скал. Главная улица – сплошной базар, очень оживленный по случаю стечения народа на богомолье и на ярмарку. Пестрый люд (русские, татары, греки, караимы), крики отчаянные татар, в роде: “чибрики постные, горячие!” – “Арбузы, арбузы!” – “Шашлык горячий!”, “Пшонка, пшонка!” (т. е. вареная кукуруза) и т. п. И чоґо тільки нема у том базари! Арбузы, дыни, дольма-кабаки, яблоки, всякая зелень; баранина сырая и жареная; овечьи шкуры и людское старое платье; туфли, посуда; кофейни, кузницы, кухни и печи на самой улице. Лавки и лавченки грязные; татары зазывающие покупателей, либо болтающие меж собой; мальчишки – разносчики пирожков; маленькие и большие татарки, выглядывающие из дворов: целый своеобразный мир, – пестрый, живой и кажется очень довольный!

В городе много мечетей, три медресе; не мало фонтанов, но всего больше кладбищ: их, говорят, есть до сотни. Они – небольшие, под скалами, но содержатся небрежно: по ним бродит скот, памятники поверженные или разбитые. Картину разрушения представляет и ханское кладбище у дворца. (Не забыть: в Чуфут-кале есть гробница одной татарской царевны, похороненной там по желанию ее. Я слышал легенду о ней от татарина проводника: была-де дочь хана Тохтамышша, влюбилась-де в простого человека – садовника, и так как хан отец не давал согласия на брак, то она бросилась с горя¹⁰⁹ со скалы и убилась. Но равнин уверял, что это не так, что она сама пожелала похорониться на Чуфут-кале, так как имела случай познакомиться с этим живописным местом, которое очень понравилось ей).

Есть в городе и православная церковь Николая Чудотворца¹¹⁰. Основана, говорят, в 1798 году. В приходе много греков. При мне они хоронили одну гречанку, рабу Божию Олимпиаду; многие плакали очень горячо о ней.

В обычное время городишко, вероятно, скучен: охотно верю в этом одной девушке-караимке, которая постилала мне постель в зале своей квартиры. Кстати: очень милая девушка! И отец ее очень неглупый и очень приличный караим. (Интересны его рассказы о татарских обычаях брака и развода, о подставных мужьях-стариках и т. п.).

Да! Хорошенькая девушка! О, красота, как ты привлекательна, какому бы племени ты ни принадлежала! А мое-то воображение каково, и память-то какова! Глядя на хорошенькую караимку с улыбающимися черными глазками, я чуть-чуть не позабыл одесскую балерину... Вот как всё не прочно на свете, и вот как не постоянен я!

---

¹⁰⁹ Слова “с горя” вписані в рядок.

¹¹⁰ Побудована 1798–1800 рр. Зруйнована у роки Другої світової війни.

Видел еще двух девушек русских: одна слепая, да и другая не очень здоровая. Они стояли на ярмарке, при дороге¹¹¹, в Успенском скиту, и пели прекрасными, чистыми голосами духовные стихи: выходил превосходный дуэт, привлекая большую публику; я также слушал с большим удовольствием, – и до сих пор у меня в ушах¹¹² звучат их духовные стихи. Например:

Плоть мою в гроб кладут,
Душу уж на суд ведут.
Ой горе, горе мне великое (припев).
Мимо царства прохожу,
Только плачу и гляжу:
“Царство горне, дом святой,
Грешных не приемлешь ты!
Ты прощай, прекрасный рай,
Во иной иду я край.
Как на том я свете жил,
Крепко Бога раздражил:
Дней воскресных я не чтил,
В грехах будни проводил;
Бога все призывал,
Страшный суд позабывал;
Я не чтил отца и мать,
Все старался раздражать;
Всякий грех творил стократ,
Райских не искал палат;
Все законы преступил,
Крайний хульник Бога был;
Каяться не хотел,
Бога в сердце не имел”.
И проч.

Повторяю: пение было прекрасное, умиленное, и голоса замечательные. Я слушал и записывал.

Простояв обедню архиерейскую, по милости Божией Матери, всю до конца и без усталости, воротился в Бахчисарай: закусил шашлыком, а запил кофеем, после чего сел на татарскую мажару и приехал на вокзал, чтобы воротиться в Севастополь по живописнейшей железной дороге.

16. В Херсонисском музее с А. А. Глазовым. Собиратель музея, К. К. Косцюшко-Валюжинич давал очень интересные объяснения, на счет многих очень интересных вещей. Жаль, что для них не устроено приличного музея.

---

¹¹¹ Слова “при дороге” вписані в рядок.

¹¹² Слова “в ушах” вписані в рядок.

Хорош Севастополь! Сегодня море, после ночной бури (с 15 на 16), сильно взволнованное, отливает разными красками. Прелестно! Право, дольше бы пожить в таком городе.

17. Осматривал доки Севастопольские. После обеда опять в Херсонисе, осматривал всё городище с раскопками. Интересные развалины, много возбуждающие мысли и воображения.

А теперь – в дорогу! Прости прекрасное море, прости славный Севастополь!

– Вечером, в 11 час. 25 мин., выехал по железной дороге. Спал всю ночь хорошо, а проснувшись подумал, что уже

18 – дескать проехал весь Крым. Оказалось, что мы еще на полуострове, не доезжая до станции *Джанкоя*. Со станции *Таганаша* стали виднеться соляные озера и соляные заведения с кучами белой соли, ярко сверкающей на солнце. Из богатых солепромышленников замечателен Сальков, владелец большого озера и промысла. Но не все соляные озера в Крыму одинаково богаты солью: в иных больше ее, в иных – меньше; иначе сказать – “рапá” не везде одинаково солена.

Сиваш проехали по особой насыпи; и после него продолжали виднеться те же соляные озера и промыслы. Иные озера так велики, что продолжали казаться мне всё еще морем.

Дальше ехали на *Мелитополь*, где продаются превосходные арбузы, и притом крайне дешевые, от 3^x копеек за штуку. Иные арбузы мелитопольские и перекопские достигают до пуда, – говорили мне местные жители, ехавшие с нами в поезде.

Дальше следовали: гор. *Александровск*¹¹³ у Днепра,

19. потом *Мерефа*, *Люботин* (мимо Харьков), *Сумы*, *Ворожба*. Часто с о. Канидием хлебали борщ.

В этой последней* мы были 19го числа вечером, в 7 часов. В 2½ часа ночи на 20-е число

20. приехал в Нежин.

Слава Тебе, Господи, Благодетелю нашему!

Дома нашел три письма от Мити, уведомляющие о выздоровлении его. Δόξα σοί, Κύριε, δόξα σοί!¹¹⁴

Finis!

Отец Канидий Качановский – петербургский протоиерей, имеющий собственную дачку близ Байдар.

---

¹¹³ Нині – м. Запоріжжя.

* Т. е. в Ворожбе.

¹¹⁴ Гр. “Слава Тобі, Боже, слава Тобі!”

Р. С. К. дневнику.

Бывало в крымский плен татарин злой
Тащил и женщин наших, и детей.
А ныне дамы русские порой
Готовы сами в плен отдаться сей, –
От скуки ли, или для время-провожденья,
Иль из любви к пикантному плотскому
наслажденью*.

Да только крепок злой татарин:
На русских дам он смотрит, точно барин,
Иль нагло норовит не только барынь обнимать,
А еще кое-что на магарыч от них сорвать (от них же
взять).

(Сатирические картинки на русских барынь, амурничающих с татарами**, помещены г-жею *Краскушкиной* в “Живописном обозрении” за нынешний 1895 год, в №№ 23 и 40. Несомненно – картинки правдивые и взятые “с натуры”. Оне-то и вдохновили меня к выше набросанным стихам, коими заключаю мой крымский дневник, преисполненный разных глупостей.

Да! И русские авторы порядочно таки “обусурманились”.

9 октября 1895.
Нежин

ІР НБУВ. Ф. XXIII. Од. зб. № 5. Арк. 1–40зв., рукопис

---

* Вариант поскромнее; попримичнее:

“Иль из любви к природным наслажденьям”. (Да по любви “к природным вышшим наслажденьям”).

** Говорят, что и *Репин* И. Е., наш знаменитый художник, также нарисовал “прогулку” петербургской дамочки, заглядывающей в глаза крымскому татарину – проводнику.

ДОДАТОК

От Алупки до Байдар¹¹⁵

{По горному белокаменному шоссе.¹¹⁶
(Путевые впечатления)}

Великолепные природные картины¹¹⁷:
Громады желтых, серых скал
Над нашей головой толпятся и висят¹¹⁸,
Дорожку белую с боков теснят;
А сверху вниз ползут глубокие стремнины
До берега, где бьет о камни бурный вал,
С усиьем тщетным, безконечным,
И как бы с ропотом сердечным.

* *

*

Морская гладь блестит небесными цветами,
Прозрачен воздух, как хрусталь,
И величавая простая красота.
Повсюду щедрою рукою разлита.
Всем чувством погружаясь вдаль,
Забудешься, не различишь глазами,
Где край небес, где край морской
С их необъятной глубиной.

* *

*

Просторный, безграничный круг!
Из тела вон душа стремится,
В эфир небесный хочет погрузиться,
Купаться в нем, летать... И вдруг –
Чудесное явление: пред нами мощная скала
Главу под свод небесный вознесла,
А на скале – символ спасенья,
Храм златоглавый Воскресенья¹¹⁹.

* *

*

---

¹¹⁵ Вирізка з газети “Крымские вести”, за 27 жовтня 1895.

¹¹⁶ Написано рукою М. Бережкова.

¹¹⁷ Рукою М. Бережкова вписані варіанти рядка: 1) “Мне не забыть Вас дивные картины” и 2) “Мне видятся чудесные картины”.

¹¹⁸ Рукою М. Бережкова поправлений варіант: “Над головой моей толпятся и висят”.

¹¹⁹ Храм Воскресіння Христового збудований на пам’ять про спасіння царя Олександра III і його сімейства на кошти Олександра Кузнецова за проектом академіка Чагіна поблизу Байдарських воріт.

Как будто бы созвездье в вышине,
Или как светлая лампада,
Средь серых гор громады
Зажженная молитвенной рукой,
Он красотой сияет неземной,
На радость путнику, на радость всей стране, –
Краса изящная в горах,
Стопою на скале, главою в небесах!
М. Б.

* * *

С. Елпатьевский. Крымские очерки. [М., 1915. 149, [2] с.]

Стр. 10. “поплавки”*

16. Речь в Балаклаве.

Вообще Балаклава описана хорошо: с юмором и живо. Лучший очерк в книжке. (О греках особенно).

34. Крымское сирокко. (В статье о Коктебели. “Коктебель” – женск[ого] рода).

38. болгары в ней.

44. Худож. Богальский (Олодзейский).

49. Коктебельские камешки: любопытные сведения (до стр. 57), сравн. 93.

55. Профессор Юнге. Там же и бывший священник Г. Петров (т. е. в Коктебели).

56. “Колыбный домик, колыба”. (Что такое? Сравн. 118).

63. Клематис (растение).

64. Селюшка.

72–73. Рыболовство в открытом море. Сравн. выше про Балаклаву, на стр. 20–23.

73. Шабаш – особен. сорт винограда в Отузской долине.

74. Кушанья татарские.

94. Санаторий профес. Вяземского на Карадаге: подробн. 101.

100. “Пуццолана”.

101–110. Терентий Ив. Вяземский и Лев Захар. Мороховец, профессора Моск[овского] Унив[ерситета], устрояющие биологическую станцию на Карадаге. (Практично? Или это желают наживаться, а Елпатьевский нечаянно пропагандирует наживу?)

Надо все это лучше знать. Тут у автора <...> к наивности.

114. Вино в Судакской долине (Дата интересная) “Кокур” стр. 125.

Грибоедов в Судаке в 1825 г. в доме барона Бодэ: стр. 118–20. В Судаке был и государь Александр I.

Какие-то “эллекчи”: 135–136.

Дом гр. Капнистов в Судаке: 143.

Крепость в Судаке (генуезская) и проч.

---

* И в Севастополе есть “Кафе-поплавок”.

(В книжке снимков и виньеток больше сорока).

Подарена книжка Александре Николаевне Родионовой. 5 июля 1912.

Ей же отдана и книга *Гернгроса*, Ханский дворец в Бахчисарае [СПб., 1912] (иллюстрированная).

Макрель (лат. *scomber-brgi*) по южнорусски *скумбрия*.

Смотр. словарь Павленкова sub vocibus и у Кронеберга, который переводит ещё Плиниево “scomber” русским “веретеница”.

IP НБУВ. Ф. XXIII. Од. зб. № [5]. Арк. 1–4, рукопис, вирізка з газети.

Література

- Бережков М. Н. *Древнейшая книга крымских посольских дел (1474–1505)* // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 21. Симферополь. 1894. С. 27–55.
- Бережков М. Н. *Крымские дела в старом царском архиве XVI века на основании современной архивной описи* // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 19. Симферополь. 1893. С. 90–100.
- Бережков М. Н. *Крымские шертные грамоты* // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Кн. 8. Отд. 2. К. 1894. С. 35–56.
- Бережков М. Н. *Об одной историко-политической записке времен присоединения Крыма* // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Т. 18. Нежин. 1900. С. 1–10.
- Бережков М. Н. *План завоевания Крыма, составленный Юрием Крижаничем* // Журнал Министерства народного просвещения. № 10. 1891. С. 483–517; № 11. С. 65–119.
- Бережков М. Н. *Русские пленники и невольники в Крыму* // Труды VI Археологического съезда в Одессе 1884. Т. 2. Одесса. 1888. С. 342–374.
- Бережков М. Н. *Нур-Султан, царица Крымская: Историко-биографический очерк* // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 27. Симферополь. 1897. С. 1–17.
- Гордієнко Д. *Михайло Бережков та Тимофій Флоринський у світлі епістолярних джерел* // Ніжинська старовина: Збірник регіональної історії та пам'яткознавства. (Серія “Пам'яткознавство Північно-Східного регіону України”, № 12): зб. наук. пр. / Гол. ред. С. Ю. Зозуля, заст. гол. ред.: О. Б. Коваленко, О. М. Титова, О. Г. Самойленко [та ін.]. Вип. 27 (30). Ніжин; К.: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. 2019. С. 161–181.
- Дорошенко Д. *В справі видання мемуарів та листування (Кілька уваг та дезидератів)* // Стара Україна. Часопис історії і культури. Кн. IX–X. Львів. 1924. С. 139–142.
- Зозуля С. *Деякі аспекти московсько-кримських взаємин у працях Михайла Бережкова* // Сіверянський літопис. № 4. 1999. С. 124–127.
- ІР НБУВ. Ф. XXIII. Од. зб. № 40. Дневник М. Н. Бережкова, т. XXVIII, 1915 год, Нежин. 36 арк.
- ІР НБУВ. Ф. XXIII. Од. зб. № 414. Иоанн III Васильевич, великий князь всея Руси и крымский царь Менгли-Гирей. 200 арк.
- ІР НБУВ. Ф. XXIII. Од. зб. № 930. Лист А. Маркевича М. Бережкову від 25 квітня 1892 р. з Сімферополя в Ніжин. 2 арк.
- ІР НБУВ. Ф. XXIII. Од. зб. № 932. Лист А. Маркевича М. Бережкову від 4 березня 1894 р. з Сімферополя в Ніжин. 2 арк.
- ІР НБУВ. Ф. XXIII. Од. зб. № 934. Лист А. Маркевича М. Бережкову від 15 лютого 1927 р. з Сімферополя в Ніжин. 1 арк.

- Коляструк О. *Релігійний аспект у науковій діяльності і приватному житті професора історії М. М. Бережкова* // Сіверянський літопис. № 5. 2006. С. 91–96.
- Корольов В. І. *Писемні джерела* // Історичне джерелознавство: Підручник / Я. С. Калакура, І. Н. Войцехівська, С. Ф. Павленко та ін. К.: Либідь. 2002. С. 345–455.
- Кривобок О. П. *Передмова* // Щоденник професора Михайла Бережкова. Інститутський період (1882–1904) / за ред. О. П. Кривобока. Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя. 2019. С. 4–8.
- Непомнящий А. А. *Записки мандрівників та путівники в розвитку історичного краєзнавства Криму (остання третина XVIII – початок XX століття)*. К. 1999. 212 с. – (Науково-довідкові видання з історії України; Вип. 46).
- Непомнящий А. А. *История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы, конец XVIII – начало XX века* / Отв. ред. Л. А. Дубровина; Вступ. ст. В. Ф. Шарапы. Симферополь: Доля. 2001. 816 с.
- Непомнящий А. А. *Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): Біобібліографічне дослідження*. Симферополь: Бізнес-Інформ. 2003. 456 с.
- Непомнящий А. А. *Листування М. М. Бережкова та А. І. Маркевича – джерельна база історії Криму* // Праці Центру пам'яткознавства. Випуск 7. К. 2005. С. 223–234.
- Непомнящий А. А. *Подвижники кримоведения*. Симферополь: СГТ, 2006. 324 с. – (Библиография кримоведения; Вип. 7).
- Острянюк А. *“Щоденник” професора Бережкова* // Сіверянський літопис. № 5. 1997. С. 133–139.
- Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии: 28 января, 19 февраля и 7 мая 1893 г.* // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 18. 1893. С. 129–139.
- Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии: 4 октября, 9 ноября и 30 декабря 1893 г.* // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 19. 1893. С. 115–137.
- Самойленко Г. В., Самойленко О. Г. *Ніжинська вища школа: сторінки історії*. Ніжин. 2005. 420 с.
- Шипко Л. *Джерелознавчі студії Михайла Бережкова із середньовічної історії російсько-кримських відносин* // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. – Серія: Історія. № 84. 2006. С. 142–145.
- Шипко Л. В. *Наукова та освітня діяльність Михайла Бережкова*. Автореф. ... кан. іст. наук. Спеціальність: 07.00.06 – історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни. К. 2007. 16 с.

Щоденник професора Михайла Бережкова. Інститутський період (1882–1904) / За ред. О. П. Кривобока. Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2019. 395 с.

Іменний покажчик¹²⁰

- Аби-булла (?–?), садівник
воронцовського саду, 55–56
- Авдотья Петровна (?–?), тітка
М. Бережкова, 57
- Аладьин Владимир (?–?),
алупкінський знайомий
М. Бережкова, 49, 62
- Аладьина Александра Васильевна
(?–?), знайома М. Бережкова,
мешканка Алупки, 48, 52–55, 58,
60–62
- Александр I (1777–1825), російський
цар, 45, 68
- Александр III (1843–1894),
російський цар, 60, 62, 67
- Анна (?–?), очевидно господиня
дачі, на якій зупинився в Алупці
М. Бережков, 56
- Ассан (?–?), орендар воронцов-
ського саду, 52
- Ассан (?–?), продавець фруктів, 55
- Бережков Дмитрий Николаевич
(Митя) (1861–1961), рідний брат
М. Бережкова, випускник Санкт-
Петербурзької духовної академії,
служив псаломщиком при
православному храмі у Флоренції,
1918 р. виїхав до США, де
прожив решту життя, 49, 51, 56–
57, 59, 65
- Бережков Иван Николаевич (1864–
1921), молодший брат
М. Бережкова, згодом – єпископ
Костромський і Галицький 31
- Бережков Петр Николаевич (?–?),
рідний брат М. Бережкова,
інспектор Томського реального
училища 31
- Бестужев-Рюмин К. 14, 15
- Богальский (Олодзейский) (?–?),
художник, 68
- Бодє Лев Карлович (Ludwig Karl von
Bode) (1787–1859), барон, 68
- Боржо (?–?), винороб у маєтку
Мальцева, 54
- Булгарис Евгений (1715–1806),
архієпископ Слов'янський та
Херсонський 26
- Ваничка – див. Бережков Иван
Николаевич
- Виноградов (?–?), актор, 41
- Владимиров Андрей (?–?), поет, 47
- Войцехівська І. 13, 71
- Володя – див.: Аладьин Владимир
- Волоков (?–?), 62
- Воронцов Михаил Семёнович
(1782–1856), князь, генерал-
фельдмаршал, упродовж 1823–
1854 рр. – новоросійський та
бессарабський генерал-
губернатор. Сприяв розбудові
Одеси, замовник і перший
власник Алупкінського палацу 20,
24–25, 46–47, 50, 52–53, 55
- Вяземский Терентий Иванович
(1857–1914), вчений-
природознавець, засновник
Карадаської біостанції, 68
- Гартвисс Николай Андреевич (1793–
1860), натураліст та садівник, з
1827 р. директор Нікітського
ботанічного саду в Криму, 60
- Гельбке Ф. 20
- Гельмер Г. 27
- Гернграсс В. (?–?), 69
- Глазов А. А. (?–?), 64
- Глинка Михаил Иванович (1804–
1857), російський композитор 27,
41, 42
- Глинка Сергей Николаевич (1776–
1847), російський письменник,
історик, мемуарист 36

¹²⁰ У покажчику імена подані мовою щоденника – російською. Ім'я М. Бережкова опущено.

- Голицын Александр Николаевич (1773–1844), князь, державний діяч Російської імперії, обер-прокурор Святійшого синоду, 62
- Гонкур Едмонд де (Edmond Huot de Goncourt) (1822–1896), французький письменник, мемуарист, 17, 49
- Гордієнко Д. 15, 70
- Горчаков Михайл Дмитрієвич (1792–1861), князь, учасник Кримської війни, 61
- Готфійський Ігнатій (1717–1786), митрополит Готфійський та Кафський 26
- Грибодов Александр Сергеевич (1795–1829), російський дипломат, поет, композитор, 68
- Григорій Васильч – див. Малеванський Григорій Васильч
- Григорій, патріарх (1745/46–1821), константинопольський патріарх, страчений турками у відповідь на грецьке повстання, 26
- Грім Д. 62
- Гуменний Андрей Яковлевич (?–?), київський студент, 47, 52–53
- Даргомижський О. 27
- Делавін Ж. 27
- Дестуни Іван Павлович (?–?), одеський градоначальник на початку ХІХ ст., 45
- Дікенс Чарльз (Charles John Huffam Dickens) (1812–1870), англійський письменник 20
- Димитрій (Муретов) (1811–1883), архієпископ херсонський та одеський 24
- Доде Альфонс (Alphonse Daudet) (1840–1897), французький романіст та драматург, 49
- Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893), князь, генерал-губернатор Південно-Західного краю (1869–1878), 54
- Дорошенко Д. 13, 70
- Достоевський Фёдор Михайлович (1821–1881), російський письменник, філософ, член-кореспондент Петербурзької Академії Наук, 17, 49
- Дружинин Е. К. (?–?) 24, 32
- Дубровіна Л. 16, 70
- Екатерина ІІ (1729–1796), російська цариця, 45–46, 62
- Елпатьєвський Сергій Яковлевич (1854–1933), російський письменник, лікар, 68
- Ельсон П. 52
- Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), російський поет, перекладач, літературний критик 37, 58
- Зеленой Павел Алексеевич (1833–1909), генерал, з 1885 р. градоначальник Одеси, 38
- Зібель Генріх фон (Heinrich von Sybel) (1817–1895), німецький історик та політичний діяч, 56
- Знаменський М. П. (?–?), знайомий М. Бережкова, 48
- Зозуля С. 15, 16, 70
- Зубов Платон Александрович (1767–1822), граф, князь, новоросійський генерал-губернатор, 45
- Інзов Іван Никитич (1768–1845), генерал, намісник Бессарабської області 26
- Іннокентій (Борисов) (1800–1857), архієпископ херсонський і таврійський 24
- Іоанн ІІІ Васильєвич 15, 70
- Істомин Владимир Иванович (1810–1855), контр-адмірал, учасник Кримської війни, 61
- Калакура Я. 13, 71
- Капнисты, дворянський рід, Петро Васильєвич Капніст (?–1826), судакський поміщик, 68
- Карно Сади (Marie François Sadi Carnot) (1837–1894), президент Франції (1887–1894), 49
- Карпов Пётр Александрович (1822–1869), контр-адмірал, 61
- Качановський Канидій (?–?), петербурзький священник, протоієрей, 65

- Коваленко О., 15, 70
Колястрок О. 14, 18, 71
Корнилов Владимир Алексеевич (1806–1854), віце-адмірал, учасник Кримської війни, 61
Корольов Б. 13, 70
Косцюшко-Валюжинич Карл Казимирович (1847–1907), археолог, дослідник Херсонеса та Гераклейського півострова, засновник і перший директор Херсонського музею, 64
Кочубинский Александр Александрович (1845–1907), історик, філолог, професор Одеського університету, 46
Краскушкина (?–?), 66
Кривобок О. 13, 14, 18, 71–72
Крижаніч Юрий 14, 70
Кронеберг Александр Иванович (1844–1909), російський зоолог, 69
Крылова (?–?), актриса московського Большого театру, 41, 43–44
Кузнецов Александр Григорьевич (1856–1895), купець, підприємець, “чайний магнат” Російської імперії, меценат, 60, 67
Кумани Михаил Николаевич (1831–1889), контр-адмірал, 61
Лавров Борис (1882–?), небіж М. Бережкова, 54
Лазарев Михаил Петрович (1788–1851), адмірал, один із першовідкривачів Антарктиди, 61
Ланжерон Александр Фёдорович (Alexandre-Louis Andrault de Langeron) (1763–1831), французький емігрант, упродовж 1815–1822 рр. – новоросійський та бессарабський генерал-губернатор, 46
Лебедев (?–?), 56
Леметр Франсуа Эли Жюль (François Élie Jules Lemaître) (1853–1914), французький критик, член Французької Академії, глава “імпресіоністської школи”, 49
Леонкавалло Р. 37
Лубковская (?–?), актриса, 41
Львова Е. П. (?–?), поетеса, 50
Люперсолський Петр Иванович (1836–1903), історик-класик, професор Історико-філологічного інституту князя Безбородька в Ніжині, 40
Лямот-Фуке (Friedrich de La Motte-Fouqué) (1777–1843), німецький письменник, автор казкової повісті “Ундіна” (1811), 37
Ляхмайеры, знайомі М. Бережкова, 53, 55
Малеванская Марья Ивановна (?–?), дружина професора Історико-філологічного інституту князя Безбородька в Ніжині Г. В. Малеванського, 40, 49, 51
Малеванский Григорий Васильич (1840–?), священник, богослов, професор Історико-філологічного інституту князя Безбородька в Ніжині, 47
Мальцев Сергей Иванович (1810–1893), промисловець, генерал-майор, засновник палацу Мальцевих у Симеїзі, 49, 54
Маркевич Алексей Иванович (1847–1903), одеський історик, випускник Лицею князя Безбородька в Ніжині та Одеського університету, 46
Маркевич Арсеній 14–16, 17, 20, 70–71
Мартиниан (?–?), священник Успенського скиту, 63
Марья Ивановна – див. Малеванская
Марья Ивановна
Мейербер Дж. 27
Мейран (?–?), танецмейстер Версальського палацу 36
Менгли-Гирей, 15, 70
Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869), князь, адмірал, морський міністр Російської імперії, генерал-губернатор Фінляндії. Похований у своєму маєтку Александрово Московської губернії, у Воздвиженській

- церкви 59, 61
Меріме П. 27
Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), граф, військовий міністр Російської імперії, історик 47, 49
Митя – див. Бережков Дмитрий Николаевич
Мозенталь С. 27
Мопассан Ги де (Henry René Albert Guy de Maupassant) (1850–1893), французький письменник, новеліст, 49
Моренгейм Артур Павлович (1824–1906), барон, російський дипломат, народився у Варшаві, 58
Морозов П. 30
Мороховец Лев Захарович (1848–1919), біохімік, фізіолог, історик медицини, один із засновників Карадаської біостанції, 68
Нахимов Павел Степанович (1802–1855), адмірал, учасник Кримської війни, 61
Непомнящий А. 14, 16–17, 18, 20, 71
Никанор (Бровкович) (1826–1890), архієпископ херсонський та одеський, 24
Новиков Модест Дмитриевич (1829–1893), віце-адмірал, старший флагман Чорноморського флоту, 61
Нодень (?–?), учитель танців у Кадетському корпусі, 36
Нур-Султан, царица Крымская 15, 70
Олимпиада (?–?), бахчисарайська грекня, 63
Острянка А. 13, 71
Павел Петрович – див. Павел І
Павел Яковлевич – див. Светлов
Павел Яковлевич
Павел І (1754–1801), російський цар, 45
Павленко С. 13, 71
Павленков Флорентий Фёдорович (1839–1900), російський книговидавець. 1900 р. видав “Энциклопедический словарь”, 69
Паллас Пётр Симон (Peter Simon Pallas) (1741–1811), німецький вчений на російській службі, один з основоположників біогеографії та екології, 56
Перро Ж. Ж. 37
Петр Иванович – див. Люперсольский Петр Иванович
Петр Николаевич – див. Бережков Петр Николаевич
Петров Григорий Спиридонович (1866–1925), громадський та політичний діяч, священник, 1908 р. позбавлений сану, 68
Петрушевский В. Т. (?–?), приятель М. Бережкова, 49, 55
Плаксин Сергей Иванович (1854–?), одеський історик-аматор, 46
Плиний Старший (Plinius Maior) (22/24–79), римський вчений, автор “Природничої історії”, 69
Полонский Яков Петрович (1819–1898), російський поет і прозаїк, 50
Попова (?–?), оперна актриса, сопрано, 41
Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), російський поет і прозаїк, 22, 26–28, 30, 41–43, 47, 53, 60, 62
Р. – див. Рославлева Любовь Андреевна
Репин Илья Ефимович (1844–1930), український художник, дійсний член Петербурзької Академії мистецтв, 66
Рибас Иосиф де (1751–1800), іспанець з походження, російський державний діяч, засновник Одеського порту та Одеси, 29, 45–46
Ришелье Арман-Эммануэль дю Плюсси (Armand Emmanuel Sophie Septemanie de Vignerot du Plessis, duc de Richelieu), герцог, француз на російській службі, упродовж 1804–1815 рр. – генерал-губернатор Новоросії та Бессарабії. Вважається одним із засновників Одеси, 24, 45–46
Родионова Александра Николаевна

- (?–?), 69
 Розен Є. 27
 Рославлева Любовь Андреевна (1874–1904), балерина московського Большого театру, походила з дворянського роду Рославлевих, та той час була одружена з актором П. Садовським (1874–1947) 19–20, 28, 33, 36–44
 Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894), російський композитор, диригент, автор опери “Маккавеї”, 41
 Рубінштейн А. 27
 Сальков Василий (?–?), солепромисловець, 65
 Самойленко Г. 18–19, 71
 Самойленко О. 15, 18–19, 70, 71
 Сандомирский Юрий Израилевич (1870–1927), прозаїк, драматург, видавець, 46
 Светлов Павел Яковлевич (1861–1941/45), священник, богослов, на той час законовчитель в Інституті князя Безбородька в Ніжині, 31, 40
 Сикард Карл Яковлевич (Charles Suard) (1773–1830), одеський купець французького походження, 42
 Сиповский Василий Дмитриевич (1844–1895), історик, 56
 Скриба Е. 27
 Славин Иван Яковлевич (1851–1930), адвокат, громадський діяч, гласний саратовської міської думи, 47
 Соболевский Алексей Иванович (1857–1929), російський філолог, славіст, дійсний член Петербурзької Академії Наук, 49
 Спицын Александр Петрович (1810–1888), адмірал, перший почесний громадянин міста Керч, 61
 Срезневский Измаил Иванович (1812–1880), філолог-славіст, палеограф, дійсний член Петербурзької Академії Наук, 17, 36, 49
 Ставраки Михаил Иванович (1806–1892), генерал-лейтенант флоту, учасник Кримської війни, 61
 Станилевич Василий Иванович (?–?), 32, 37
 Стенли Генри Мортон (Henry Morton Stanley), справжнє ім’я Джон Роуландс (1841–1904), британський журналіст, мандрівник, дослідник Африки, 57
 Сусанин Иван (друга пол. XVI ст. – 1613), російський національний герой, селянин, 41
 Темиршаев Асан-ага (?–?), кримський поміщик, виноградар, 54–55
 Теотоки Никифор (Θεοτόκης Νικηφόρος) (1731–1800), архієпископ, грецький і російський богослов, 26
 Титова О. 15, 69
 Толстой Алексей Константинович (1817–1875), граф, російський поет, прозаїк, драматург, член-кореспондент Петербурзької Академії Наук, 26
 Толстой Михаил Михайлович (1835–1898), граф, одеський громадський діяч, гласний міської думи, 46
 Тотлебен Викторина Леонтьевна (1833–1907), графиня, дружина графа Е. Тотлебена, 61
 Тотлебен Эдуард Иванович (Franz Eduard Graf von Totleben) (1818–1884), граф, генерал, 61
 Тохтамыш (?–1406), хан Золотої Орди (1380–1395) та хан Тюменського ханату (1396–1406), 63
 Уваров А. 14
 Фельнер Ф. 27
 Филибер (?–?), власник мастку на південному березі Криму, 60
 Флоринський Т. 15, 70
 Хаджи Аби-Булла (?–?), кримський поміщик, виноградар, 54
 Хлюстин Иван Николаевич (1862–1941), артист балету, балетмейстер московського

Большого театру, 1903 р. – емігрував у Париж, де відкрив власну балетну школу, 39, 43–44	Шиловський К. 27
Хрулев Степан Александрович (1807–1870), генерал-лейтенант, учасник Кримської війни, 61	Шипко Л. 16, 71
Чагін М. 67	Штевен Александра Алексеевна (1865–1933), педагог, громадська діячка, 56
Чайковський П. 27	Шувалова (Нарышкина) Софья Львовна (1829–1894), графиня 20, 54
Шарапа В. 16, 71	Юнге Эдуард Андреевич (1831– 1898), професор, засновник Коктебеля, 68
Шатова А. С. (?–?), генеральша, 60	
Шестаков Иван Алексеевич (1820– 1888), адмірал, 61	

Публікація, вступна стаття та коментар Д. Гордієнка

“КРИМСЬКИЙ ЩОДЕННИК” (Червень–серпень 1895 р.) / публікація,
вступна стаття та коментар Д.С. Гордієнка

Публікується кримський щоденник М. Бережкова, професора Історико-філологічного інституту князя Безбородька в Ніжині. Тематично, Щоденник складається з двох частин: одеської та кримської. Хронологічні рамки визначаються часом виїзду з Ніжина 23 червня і поверненням у Ніжин 20 серпня 1895.

Щоденник Бережкова містить значний інформативний пласт для історії Одеси та Криму, зокрема туристичного повсякдення наприкінці XIX ст. Проте найбільше інформації він дає до біографії самого автора, що відображає епізоди з його життя, сприйняття світу автором, дає матеріал для його психологічної характеристики.

М. Бережков є відомим дослідником Кримського ханату, тому Щоденник є й важливим джерелом для історії українського кримознавства кінця XIX ст. Він доповнює наукові праці Бережкова з кримської тематики і дає можливість більш цілісно розкрити образ науковця.

Гордієнко Дмитро Сергійович – кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник Національного заповідника “Софія Київська”.

Ключові слова: Михайло Бережков, Щоденник, джерела, Крим, Одеса, кримознавство.

Berezhkov M.

“CRIMEAN DIARY” (June–August 1895) / publication, introductory article,
commentary by Dmytro Hordiienko

The paper is the first archaeological publication of the Crimean Diary of M. Berezhkov, a professor at the Prince Bezborodko Institute of History and Philology in Nizhyn. Thematically, the Diary consists of two parts: Odessa and Crimean. The chronological framework is determined by the time of leaving from Nizhyn on June 23 and the return to Nizhyn on August 20, 1895.

Berezhkov's Diary contains a significant information layer for the history of Odessa and the Crimea, including the tourist routine at the end of the 19th. However, it gives the most information to the biography of its author, which reflects episodes from his life, the perception of the world by the author, and provides material for his psychological characteristics.

The Odessa part of the Diary is filled mostly with descriptions of visits to the local theater, where the Moscow troupe was touring at that time. In the Crimea, Berezhkov spends his time mainly as a typical holidaymaker. He walks the mountains a lot, along the shore, “breathing in the fresh air”.

M. Berezhkov is a well-known researcher of the Crimean Khanate, so Diary is also an important source for the history of Ukrainian crime studies of the late 19th. It complements Berezhkov's scholar works on the Crimean subjects and gives an opportunity to reveal the image of the scholar more fully.

Hordiienko Dmytro – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the National Conservation Area “St. Sophia in Kyiv”.

Key words: Mykhailo Berezhkov, Diary, sources, Crimea, Odessa, crime studies.